18+

ЛЮБОВЬ И ЗЛОДЕЙСТВО

Rideró

ЧИЖ

BOOK PRODUCING AGENCY

26 рассказов
авторов мастер-курса
Антона Чижа
в честь 225-летия
А. С. Пушкина

Ирина Ильина

Гений и злодейство. 26 рассказов авторов мастер-курса Антона Чижа в честь 225-летия А. С. Пушкина

«Издательские решения»

Ильина И.

Гений и злодейство. 26 рассказов авторов мастер-курса Антона Чижа в честь 225-летия А. С. Пушкина / И. Ильина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644181-1

Сборник из 26 детективных рассказов, написанных по мотивам великих произведений А. С. Пушкина. Современное прочтение (ретеллинг) в жанре детектива бессмертных творений гения русской литературы в честь его 225-летия, отмечаемого в 2024 году.

ISBN 978-5-00-644181-1

© Ильина И.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие составителя 6
Елена Еремина. 7
Anka Б. Троицкая. 15
Ирина Ильина. 24
Дарья Копосова. 32
Елена Гулкова. 42
Андрей Епифанцев. 51
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Гений и злодейство
26 рассказов авторов мастер-курса Антона Чижа в честь 225-летия А. С. Пушкина

В оформлении обложки использованы материалы с Vecteezy.com

Авторы: Еремина Елена, Троицкая Анка Б., Ильина Ирина, Копосова Дарья, Гулкова Елена, Епифанцев Андрей, Нуссбаумер Мила, Кашеварова Ирина, Тушева Ирина, Кизлова Юлия, Алексеева Евгения, Росси Анна, Григ Ирма, Салтанова Надежда, Красильникова Ольга, Болотина Наталья, Лизкин Игорь, Тумина Елена, Журавлева Дарья, Мартини Анри, Макарова Татьяна, Василевская Гульнара, Тришин Дмитрий, Боев Артём, Самайнская Лиса, Анищенко Янина

Антон Чиж Book Producing Agency *Продюсерское агентство*

Ольга Рыбина *Корректор*

Клавдия Шильденко *Дизайнер обложки*

© Елена Еремина, 2024
© Анка Б. Троицкая, 2024
© Ирина Ильина, 2024
© Дарья Копосова, 2024
© Елена Гулкова, 2024
© Андрей Епифанцев, 2024
© Мила Нуссбаумер, 2024
© Ирина Кашеварова, 2024
© Ирина Тушева, 2024
© Юлия Кизлова, 2024
© Евгения Алексеева, 2024
© Анна Росси, 2024
© Ирма Григ, 2024
© Надежда Салтанова, 2024
© Ольга Красильникова, 2024
© Наталья Болотина, 2024
© Игорь Лизкин, 2024
© Елена Тумина, 2024
© Дарья Журавлева, 2024
© Анри Мартини, 2024
© Татьяна Макарова, 2024
© Гульнара Василевская, 2024
© Дмитрий Тришин, 2024
© Артём Боев, 2024
© Лиса Самайнская, 2024
© Янина Анищенко, 2024
© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-4181-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие составителя

Любите ли вы Пушкина?

Что за вопрос! Пушкин с нами с детских сказок, со школьных стихов, с экзаменов в институте. Пушкин всегда и везде. В цитатах. В крылатых фразах. В трёх строчках, что врезались в память. Даже в кино.

Мы так привыкли, что не замечаем, насколько Пушкин велик. Без фальшивых комплиментов и дифирамбов. Он велик как гений русской литературы. Как живой актуальный автор.

Даже сегодня, когда мы живём совсем в другом обществе, Пушкин современен.

Мы это решили доказать.

Двадцать шесть авторов Писательской академии подготовили сборник детективов, которые возникли из… произведений Пушкина. Это называется модным словом «ретеллинг» – когда автор берёт что-то известное и переписывает на новый лад.

Наши авторы рискнули переписать гения.

Нет, не улучшить, а написать в жанре детектива так, чтобы ощущался дух Пушкина.

Как получилось? Судить вам.

Кстати, именно Пушкин написал первый русский литературный детектив.

А потому сборник мы озаглавили цитатой из «Моцарта и Сальери».

Александр Сергеевич, мы Вас любим!

Искренно.

Примите наше подношение в честь Вашего 225-летия!

И спасибо Вам, что создали для нас Русскую литературу.

А мы продолжаем!

Антон Чиж

Елена Еремина.
МОРОЗ И СОЛНЦЕ
(«Сказка о медведихе»)

Как весенней тёплою порою
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу из дремучего
Выходила медведиха…
А. С. Пушкин

Он уже направлялся к выходу из универмага, но остановился, вглядываясь в лицо молодого мужчины.

– Егор? – Матвей Николаевич не мог поверить своей удаче. Ну надо же, где встретились. – Егорушка, как там Любава, дочка моя? Как детки ваши? Наверное, совсем большие?

– Любава? Да вы что, дядя Матвей? – Егор попятился к прилавку с женскими шляпками и опёрся на него локтями. – Откуда ж я знаю? Как в город уехал, так с ней и не виделись.

Матвей снял очки, сдавил пальцами переносицу. В голове закрутилось: «Мороз и солнце. День чудесный! Зачем же Егор врёт?»

Но тот кивнул на дородную женщину, примерявшую синий фетровый блин:

– Нинка, супружница моя. Стеклянную свадьбу недавно отметили. Пацаны растут. Двое. Во! – Он помахал ладонью над головой. – Выше меня уже!

«Мо-роз-и-солн-це», – стучало в висках, когда Матвей выходил из стеклянных дверей.

«День-чу-дес-ный», – не отпустило на заднем сиденье пригородного автобуса. За пыльными стёклами трясся весенний лес, в рюкзаке на стопке из трёх томов Набокова постукивали друг о друга коробочки с блёснами-грузилами. Традиционные покупки выходного дня. Зачем они теперь? Вся его жизнь, все надежды и мечты о примирении с дочерью, о встрече с внуками, всё рухнуло в одну минуту.

В Медвежье он приехал по распределению учителем русского языка и литературы. Оглянуться не успел, как оказался женат и родилась дочка. Супруга Галина была уверена, что, отработав положенные три года, он увезёт их в город. Ан нет.

Матвей прикипел к размеренной сельской жизни, даже говорить стал как деревенский. А ещё здесь он чувствовал себя нужным. Учил не только литературе: после уроков в физкультурном зале показывал восторженным пацанятам приёмы самообороны. Даже на районные соревнования выезжали. Из него самого спортсмена не вышло, хотя в вузовской секции самбо был он одним из лучших. Если бы не минус шесть диоптрий, выполнил бы КМС. Но институтский врач справку для соревнований не давал.

Когда в очередной раз Матвей Николаевич отказался переезжать в город, жена забрала дочь-подростка и ушла к пожилым родителям. А он продолжал «сеять разумное, доброе, вечное» и раз в месяц приносил алименты.

Дочку Любаву видел только в школе. Но и она с ним перестала разговаривать: или мать настроила, или тоже мечтала о городе. Не помогли даже золотые янтарные серьги, которые подарил ей на шестнадцатилетие. «Ничего, повзрослеет, поймёт, – утешал себя Матвей. – Всё наладится. Буду внуков нянчить».

Перед выпускными экзаменами смешливая Любава притихла, на уроках смотрела в окно. Матвей понимал: волнуется. Экзамены через неделю. Но дочь вдруг перестала приходить в школу.

Бывшая супруга дальше сеней его не пустила:

– Уехала! С хахалем, Егоркой Полуниным. Такая своевольная стала, а я с ней одна бьюсь, – Галина скривила губы и зло прищурилась: – Скатертью им дорога!

Видно было, что обижена сильно. Дочкой она гордилась, наряжала как картинку и любила повторять, что не для сельских ягодку растит. Выдаст замуж за богатого городского. Надеялась, что заберёт её Любава из опостылевшего села.

Через неделю он, как всегда, принёс конверт. Галина деньги пересчитала и обрадовала: есть весточка. Молодые в городе устроились, расписались чин чином. Но адрес не дала. Сказала, что дочь не велит.

Так и повелось. Шестнадцать лет он приносил деньги, а бывшая супруга скупо докладывала: «Доча родилась, Варей назвали. Егор на хорошую работу устроился, но деньги им нужны: детский сад платный. Сын родился, Серёжа. В новую квартиру переехали. В долги влезли. И ремонт дорого стоит. Дети в платной гимназии учатся. Отличники. Адрес не дам. Сказала, что потом сама с внуками к тебе приедет». Матвею денег было не жаль: радовался, что Любава от помощи не отказывается.

Прямо с автобуса Матвей побежал к Галине.

– Ну и что? – с усмешкой ответила. Словно ждала этого разговора. – А ты хотел, чтобы я соседям призналась, что дочка непутёвой выросла, из дома сбежала? Пусть все думают, что замужем. Не вздумай сболтнуть, что не так это.

Он пошёл в сельмаг, купил водки, но всю ночь не мог заснуть. Ворочался, подслеповато щурился на окна, в которые светила луна. Сна не было. На табурете возле кровати нащупал очки и, пошатываясь, вышел на тёмное крыльцо. Почти полная луна обрисовала края подкрадывающихся к ней облаков. Где-то завыла собака. «Что же это? Мороз и солнце, – больно стукнуло в висках и за грудиной. – Была бы жива, давно бы матери весточку прислала».

Он закрыл дверь на засов, сел к столу и задумался. Что он упустил? Все эти годы жизнь в Медвежьем шла без происшествий. Мужики работали: лесопилка, рыбалка, охота. Женщины хозяйничали. Всё как у всех: свадьбы, крестины, похороны.

Он плеснул остатки водки в кружку. Никогда столько не пил. Вспомнил! Да, лет пять назад была драка. Мужики крепко побили заезжего охотника. Тот в сельмаге начал хвастать, что недавно застрелил двух медведей.

Матвей удивлялся: охота на медведей разрешена, а местные добывают росомаху, зайца, лося, а медведей никогда. Он даже спросил у школьного завхоза, заядлого охотника, почему табу на медведей. Тот пожал плечами: «Сам посуди. Жи-ши нельзя через „ы“. А почему? Потому что нельзя. А у нас нельзя медведей убивать. Не мы придумали, не нам и рушить».

Матвей лёг, закрыл глаза. За открытым окном зашелестела трава. Придержал дыхание, прислушался. Тихо. А когда пропала Любава, тоже казалось, что под окнами кто-то ходит. Вроде даже тихий рык слышался и приглушенные постанывания, словно зуб у кого-то болит. И малинник возле дома полёг. А что ж удивляться, лес рядом. Может, барсуки или еноты какие неподалёку норы обустроили. Вроде снова шорохи? Или уже снится? Спать, спать… Завтра на работу.

Утром он с отвращением посмотрелся в зеркало: пригладил волосы, поправил очки, на всякий случай в третий раз почистил зубы и, с онемевшим от едко-мятной пасты языком, вышел из дома.

«Мороз и солнце», – словно пульсирующая боль в висках. Хорошо, что сегодня у него всего три урока.

После литературы в 11 классе спросил у Алёши Елизарова:

– Что-то долго братья твои болеют. Месяц уже. Как экзамены сдавать будут?

Тройняшки Михаил, Илья и Алёша учились в одном классе и вместе ходили на секцию самбо. На фоне крупных спокойных братьев Алёша выглядел мелковато. Зато был шустрым

и звонкоголосым, как его Любава в детстве. И глаза такие же – искрящийся на солнце тёмный гречишный мёд.

Алёша не торопился с ответом, потрогал кожаный шнурок на шее, потом потянул за него и зажал что-то блестящее в кулаке:

– Не будет их на экзаменах. Отец их в город отвёз, лечиться.

– Что там у тебя? Крестик?

– Оберег. Мама вчера подарила, – на мальчишеской ладони искрилась большая капля янтаря.

Захлестнуло, стукнуло в виски: «Мо-роз-и-солн-це». Захлестнуло так, что оборвалось дыхание. Точно такие янтарные капли дрожали на серьгах, подаренных им дочери.

– Мама? Маму Любавой зовут?

– Нет, Софьей.

Сердце ухнуло вниз. Но снова забилось: а вдруг имя поменяла?

– Адрес, адрес у вас какой?

«День-чу-дес-ный», – повторял он, спускаясь по ступеням школы.

– Ты куда, Матвей Николаевич? – из-за угла школы выглянул завхоз, пряча в рукаве синего халата дымящуюся папиросу. – К кому пошёл? К Елизаровым? А что случилось-то? Ты там поаккуратнее. Завуч сказала, что ноги её там не будет. Мать-то нормальная, а отец-охотник заговаривается. Не наш он, приезжий. Или болен, или пьёт. А по-хорошему, его бы Знахарке показать, пока беды какой не случилось.

Матвей остановился:

– А Знахарка… она только лечит? А рассказать, почему человек пропал, может?

– Она всё может. Только верить нужно. Даже в больнице лечение не поможет, если не веришь. Вот в медпункте нашем сельском шаром покати, а к Знахарке очередь. Потому что верят, что она лучше докторов кривошею у младенца поправит, поясницу мужику залечит, бабе травяной сбор даст, чтобы дети рождались, а ещё… – завхоз только начал курить и был не прочь побеседовать, пока папироса не закончится, но Матвей был уже далеко.

Он почти бежал, и дорога не заняла много времени. Окна большого дома скрывали кусты отцветающей сирени. Во дворе, огороженном некрашеным штакетником, между бревенчатой баней и курятником расхаживали куры. Матвей покосился на пустую конуру и прошёл к крыльцу.

На стук открыла женщина, нисколько не похожая на Любаву. Светловолосая, стройная, глаза синие.

– Здравствуйте. Из школы? Так Алёша там ещё, – удивилась она. – Братья его? В городе они. Мы с мужем решили, что лучше им пока у моей сестры пожить. – Женщина отвечала чуть слышно, словно боялась кого-то разбудить. Зябко потянула вниз рукав шерстяной кофты, но он успел заметить свежие синяки на тонком запястье. Четыре тёмных пятна в ряд. Такие следы оставляет крепкий захват.

– Серёжки… янтарные… – он не успел спросить.

– С кем ты там? – оттеснив женщину, выглянул небритый мужик в полинялом спортивном костюме и уставился на Матвея мутными глазами. – Что надо?

Матвей снова представился.

– Аааа. Учитель? – мужчина пьяно усмехнулся и запустил пятерню в спутанные волосы. – А мне учителя здесь не нужны. – Он вдруг уставился за спину Матвея остекленевшими глазами и хрипло зашептал: – Зачем пришла? Уходи, Христом Богом прошу. Уйди! Отдам я его!

Мужчина покачнулся, и Матвей увидел белое лицо и полные страха глаза стоявшей за ним женщины. Она смотрела на Матвея и беззвучно повторяла какое-то слово. Дверь захлопнулась.

«Мо-роз-и-солн-це. Что она пыталась сказать? Сходить к участковому? И что скажу? Что родители своих сыновей в город отправили? Имеют право. Что увидел кусок янтаря, похожий на тот, что подарил дочке? Так таких серёжек, может, тысяча. Что отец Алёши допился до белой горячки? Так ему тогда врач нужен. Врач?»

Матвей подвигал ртом, повторяя движения губ женщины. Может, она просила позвать к ним Знахарку?

Настасью Петровну односельчане только за глаза звали Знахаркой. А лично обращались уважительно, по имени-отчеству. Дом её стоял на той же улице, что и дом Матвея. Если шла по их улице молодуха с младенцем или ковылял мужик, держась за поясницу, все знали: идут к Знахарке. Да и его жена тоже к ней Любаву носила. Потом несколько дней была как не в себе. Вздыхала невпопад, от Матвея отмахивалась. Не твоё, мол, дело, сама разберусь.

Знахарка встретила Матвея неласково, но в дом, пропахший травами, пустила.

– Что за беда? Садись за стол, – показала она на табурет, сама села напротив.

Матвей не знал, с чего начать, но потом из него как полилось. Выложил всё, что наболело. Старуха не перебивала, только лицом потемнела, когда рассказывал, как встретил Егора в городе и как Галина посмеялась над ним.

– Помогите дочь найти. Сердце болит, спать не могу.

– Раз пришёл, расскажу, что знаю. А поверишь или нет, дело твоё. Село наше старое. Говорят, что началось оно с людей, похожих на медведей. Или с медведей, похожих на людей. Но до сих пор такое случается: родится в семье дитя человеческое, а на шестнадцатый или семнадцатый год, у кого как, в самое первое полнолуние обращается. Становится медведем молодым. Всего на несколько часов. Если живой крови не выпьет, то снова человеком станет. А если беда такая случится, что курицу поймает или собаку задерёт, останется медведем. Поэтому их от греха подальше на цепь в полнолуние сажают.

– А Любава? Она-то здесь при чём?

– Когда принесла её Галина ко мне, я сразу сказала, что печать медвежья на девочке. И следить за ней нужно с шестнадцатого дня рождения. А уж посадила она Любаву на цепь или нет в то полнолуние, мне неведомо. Сам спроси.

Зачем он сюда пришёл? Легенды. Оборотни. Цепи. Это в наше-то время! Вампиров ещё не хватает.

– Не поверил, – усмехнулась Знахарка. – А ты сходи к жене. Если что плохое узнаешь, водку не пей, а ко мне возвращайся. Вижу, не весь у нас с тобой разговор на сегодня.

Матвей обернулся в дверях:

– Там охотник Елизаров с Десятой улицы чудит. Пьёт, наверное. Жену из дома не выпускает. Сыновей в город отправил. Может, сходите к ним?

Знахарка встала:

– Всех троих в город отправил?

– Двоих. Алёшу я сегодня видел. А вы и их знаете?

– Вернёшься, поговорим. Только обязательно сегодня вернись, чтобы новой беды не случилось.

В дом к Галине он не стал заходить. Обыскал баню и хлев. Уже смеркалось, когда он заглянул в полуразвалившийся сарай. В тёмном углу на подгнившей стене висели ржавые цепи с ошейником. Он вытащил их на свет и увидел истлевший лоскут, жёлтый в мелкий цветочек. Такое платье было у Любавы.

Галина смотрела телевизор и пила чай. Матвей бросил увесистую цепь на стол так, что звякнули чашки в серванте.

– Это что? – проревел он.

Галина запричитала, закрыв лицо ладонями:

– Ой-ей-ей! А что делать-то было? Позор же на мою голову, не на твою. За дочкой не углядела. С женатым командированным спуталась, забеременела. Так и аборт делать не захотела! А я…

– Ты её… кровью напоила? – Матвей побледнел от своей догадки.

Жена отняла ладони от красного лица. Глаза были сухими. Проговорила чётко, словно выплёвывая слова:

– Порченая она была. Печать медведя. Всё равно бы или в лес, или с цыганами ушла. И внуков таких же порченых бы родила.

Стемнело. Круглая луна висела над крышами спящих домов. Знахарка ждала его на скамейке у своего дома.

– Вернулся? Что сказала?

– Всё. Стала Любава медведицей. А если я её в лесу отыщу, сможете назад обратить?

– Не узнает она тебя. Месяц или два они помнят, как людьми были. И родителей помнят. А потом всё. Зверь и зверь. Не вернёшь. А братья Алёшины как давно в школе не были?

– Болели они больше месяца.

– Плохо дело. Печать медвежья на всех троих. Показала мне детей Софья, когда они из соседнего посёлка к нам переехали. Видать, двоих уже не уберегла. А Алёшу ты спасти можешь, если не дашь сегодня к крови притронуться. Поторопись. Нет, постой-ка! Я мигом!

Старуха на удивление легко поднялась с лавки и скрылась за калиткой. Вернулась она с тёмным пузырьком, поблёскивавшим в лунном свете. Зашептала:

– Шёл Митька по нитке, встал на камень – кровь не канет. Тьфу. Тьфу. Тьфу. Ключ да на замок. – Она протянула пузырёк Матвею. – Пей. Пей, не бойся.

А тот и не боялся.

– Это Любава ко мне тогда ночью приходила? Под окнами плакала, помощи искала?

Знахарка кивнула. Значит, это дочкины стоны он тогда слышал и не помог ей. Матвей снял очки, вытер глаза. Одним глотком осушил пузырёк, даже вкуса не почувствовал.

– Поспешай с Богом! Если туго придётся, кровь пойдёт, повторяй: «Встал на камень, кровь не канет. Ключ да на замок». Запомнил?

Отчего же не запомнить. На стихи похоже. Он их знает столько, что за два дня не рассказать.

– А некоторые так запомнил, что вовек не забыть, – сказал он вслух. Вспомнил синие глаза Софьи, её молящий взгляд. – Мороз и солнце.

В доме Елизаровых было тихо. В двух окнах горел тусклый свет. Нужно было позвать участкового. Вот как это выглядит со стороны? Пожилой учитель литературы из кустов заглядывает в чужие окна.

Размахивая руками, по комнате кружил отец Алёши. В тех же линялых брюках с растянутыми коленками, на спине спортивной куртки деформированные буквы «СССР». Больше в комнате никого, но он словно спорил и что-то кричал. Что именно, не разобрать, окна закрыты.

Где Алёша? И Софьи не видно. Матвей собирался прокрасться в дом, но услышал приглушенные вздохи и ворчливое постанывание. Медвежонок! Звякнула цепь. Матвей определил, звуки доносятся из бани, но заглянуть не успел.

Дверь дома распахнулась. В светлом проёме показалась мужская фигура, в руке поблёскивал большой кухонный нож. Матвей присел, вжался лицом в тёмный куст и чуть не задохнулся от аромата молодых черносмородинных листьев.

Было слышно, как мужчина неторопливо спустился с крыльца и пошёл к курятнику. Скрипнула дверь, раздалось разноголосое кудахтанье, заполошное хлопанье крыльев. Матвей не теряя времени бросился к бане, прижался к прохладной стене. То ли глаза привыкли, то ли луна набрала силу, но Матвей теперь видел как днём.

Отец Алёши вышел из курятника и, держа вырывающего петуха за шею, на вытянутой руке понёс его к колоде для рубки дров. Белое оперение птицы, бьющей крыльями, казалось, освещало ему дорогу.

Матвей спрятался за угол бани. С Алёшей ничего не случится, если не подпустить к нему обезумевшего отца.

Квохтанье внезапно оборвалось.

– Сказал: верну – значит, верну, – в наступившей тишине произнёс раздражённый мужской голос. – Не рычи! Не знал я, что ты беременная. Думал, самца поднял. Всё-всё. Не охочусь я на берлоге. Пятнадцать зим как завязал. А ты всё приходишь и приходишь! Сейчас и Алёшу тебе верну. – Охотник за лапы нёс обезглавленную белую птицу к бане, из разрубленной шеи капала чёрная кровь. – Сынок, я тебе поесть принёс!

Зазвенела цепь. Медвежонок громко принюхался, заворчал.

Матвей спокойно ждал, когда охотник подойдёт ближе. Первое – сбить с ног. Второе – взять захват на болевой приём или удержание. Он был уверен, что продержит охотника на земле столько, сколько нужно. Да хоть до утра.

Пора! Матвей сделал резкий проход в ноги. Но не учёл маленькую, но жизненно важную для себя деталь. В левой руке охотника оказался нож. И блеск лезвия Матвей заметил только во время сближения, когда не мог остановиться.

Приём он выполнил технично, как учили: поднырнул, захватил снаружи жилистые бёдра в трениках, толкнул плечом и одновременно двумя руками рванул на себя. Ух! И с восторгом падая на поверженного противника, неожиданно ощутил резкую боль в плече. Острие ножа проткнуло пиджак, вошло между ключицей и правым плечевым суставом. Матвей отпрянул в сторону, чтобы не получить второй удар от лежащего навзничь противника, и тут же вскочил, но правая рука повисла. Проведя левой по лицу, он понял, что потерял очки.

– Тыыиии? – Охотник вскочил, размахивая ножом. – Подь со мной, поможешь Алёшу покормить. И петух нам теперь не нужен. Потерпи, сынок.

Словно в ответ раздался голодный рёв медведя, почувствовавшего запах крови.

«Если убегу, скормит петуха. Если пойду с ним, смогу что-то сделать». Рукав пиджака пропитался кровью, голова кружилась. Матвей зажал рану, прошептал: «Встал на камень – кровь не канет. Ключ да на замок», – и шагнул к дверям бани.

Но охотник забормотал:

– Стой-ка! Тебе одному всё расскажу, а потом пойдём. – Без очков Матвей видел вместо лица охотника белое пятно, а сбивчивое бормотание было похоже на безумный бред: – Сегодня закончатся мои мучения. Убил я её зимой в берлоге. Думал, медведя поднял. Оказалось, медведиху. Да ещё и на сносях. Когда шкуру снимал, живот ей распорол, а там дети человеческие. Не взял греха на душу, Софье их привёз. Сказал, что цыгане отдали. Мать при родах умерла, а им без молока не выходить. А у нас две коровы молочные, пей не хочу.

Охотник замолк, его потряхивало, но нож он держал наготове. А Матвей чувствовал, как болезненная пульсация в плече стихает. Он осторожно пошевелил пальцами, согнул руку.

Охотник откашлялся, сплюнул и продолжил уже более внятно:

– Шкуру привёз домой. А медведиха та стала по ночам приходить. Думал, из-за шкуры, сжёг её. Не помогло. Придёт и смотрит. А как мальцам по шестнадцать исполнилось, захотела, чтобы я их вернул. Вот, сегодня и Алёшу ей отдам. А ты поможешь. Крови-то в тебе побольше, чем в петухе. Иди первым, я за тобой, – он ткнул Матвея острием ножа в бок. – Шевелись, заждался Алёша. Есть хочет.

– Что ж ты делаешь? – закричал тонкий женский голос. К ним бежала Софья.

Доли секунды хватило Матвею, чтобы выбить нож. От удара охотник покачнулся, схватил Матвея за рукав и, падая, потащил за собой. А потом, оказавшись сверху, схватил ослабевшего Матвея двумя руками за горло и принялся душить.

Болевой приём на два локтя Матвей делал лучше всех в секции. Ноги сработали как надо, и даже правая рука не подвела. Он захватил запястья противника, прижал к себе, поддал тазом и так мощно прогнулся в пояснице, что хруст вывернутых суставов и жуткий крик охотника были слышны на всё Медвежье. Он поднялся, а охотник катался по земле и выл.

«Мороз и солнце. Два гипса на оба локтя на полгода, а может и спицы. Неприятная травма. Заодно и голову подлечат», – близоруко щурясь, думал Матвей. Злобы не было. Рехнулся человек. Напридумывал ужастиков и сам в них поверил.

– Софья, помогите очки найти. А то я как сыч на солнце.

Вызвали две скорые. На одной увезли воющего охотника, на другой Матвея. Врач уговорила. Сказала, что нужно посмотреть, не задеты ли связки. Укол от столбняка сделают, рану зашьют и отпустят. Удивилась, что при таком глубоком порезе кровь быстро остановилась, сосуды сшивать не нужно.

Утром в больнице участковый снял показания, отвёз Матвея домой. Тот сразу переоделся и пошёл Софью с Алёшей проведать.

– В лес они ушли. Вот за то поле, – сказала соседка.

Проложенная через молодую рожь тропинка привела к сосновому бору. За деревьями слышалось рычание и женский смех. На поваленном стволе сидела Софья, у её ног валялся котелок с остатками мясной каши.

В высокой траве шутливо боролись два молодых медведя и мускулистый паренёк, раздетый по пояс. На груди его на кожаном шнурке сверкала янтарная капля.

– Спасибо вам за Алёшу, Матвей Николаевич. Муж меня снова запер, чтобы не помешала, еле выбралась. – Она вздохнула. – Он таким не был. Сначала сны страшные начались, потом видения. Этой весной Илья и Миша первыми обращаться начали. Мы их привязали, как Знахарка сказала. Но на мужа вдруг нашло: меня в подпол загнал, а их кровью напоил.

Матвей вспомнил Любаву. Вот ведь судьба. Доживать свой век медведицей. Через месяц и эти медвежата навсегда в лес уйдут.

– Это ваше, – Софья достала что-то из кармана платья и протянула Матвею.

Он подставил ладонь. Две серьги. Одна с ярко-оранжевой каплей янтаря, вторая – без подвески.

– Муж дал мне их той зимой, когда мальчиков привёз. Бездетная я, растила их как собственных. – Софья посмотрела на Матвея, в синих глазах стояли слёзы. – Он сказал, что это серьги их умершей матери-цыганки, велел хранить. А что снял их с убитой медведицы, вчера признался. Утром Знахарка зашла, рассказала про вашу Любаву.

– Алёша мой внук? – ахнул Матвей.

Ноги не держали, он сел рядом с Софьей. Она не отстранилась, прижалась тёплым плечом.

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

Anka Б. Троицкая.
КОЗЫРНАЯ
(«Пиковая дама»)

Не важно, что тебе выпала хорошая карта. Важно, как ты её сыграешь.
Подслушано в английском клубе

Пока ты не откроешь глаза, я слеп, а пока ты не захочешь меня услышать – я нем. Ты приподнимаешь веки, и я вижу, как меняется твоё лицо в зеркальце. Ещё не поздно передумать, но ты привычно пробуешь разные выражения, и твои черты становятся глупыми и распутными. И вот последний мой луч гаснет между ресницами. Я успеваю заметить, как распахивается стеклянная дверь и ты идёшь на яркий свет. Моё место занимает что-то другое – отточенный и отрепетированный план, очередная роль, твой спектакль года.

А я… остаюсь полуслепым и полумёртвым наблюдателем.

– И непременно, чтобы шоколад был охлаждён, а пузырьки в шампанском были правильной формы… – последние распоряжения были брошены через плечо официанту.

Длинноволосый блондин с галстуком по-байроновски уже влетал в соседний зал.

– Где музыка? – забрюзжал оттуда его голос. – На дворе 2033 год, а связь с интернетом как в двадцатом веке!

– Что с нашим мажором сегодня? – спросил бармен за стойкой.

Официант всё ещё смотрел вслед блондину.

– Ты не поверишь. Она наконец согласилась. Наш Франц обычно только пальчиком поманит… А эта долго ломалась, – официант вздохнул и повернулся к бармену. – Поставь шампанское в лёд. И не какое-нибудь, а «. *Мадам Колейн»*

Через час официант скучал у богато сервированного столика. Приунывший блондин ждал и потягивал из узкого бокала. Он быстро захмелел, поняв, что его гостья не придёт, оскорбив и его, и недоступный простым смертным билет в элитный отель «Червонный Туз», с пятью ресторанами и самым популярным в городе казино.

Однако в этот же вечер хозяин казино по кличке Граф, в шёлковом кимоно, которое не сходилось у него на животе, подошёл к застеклённому зеркалами балкону, откуда был виден весь игорный зал.

– Ну и? – спросил он.

Когда администратор указал ему на девушку в сиреневом шифоне, он засопел:

– Как?

– У неё билет VIP, – ответил администратор.

Прошла минута.

– Сколько?

Услышав выигранную сумму, он усмехнулся и сказал:

– Ко мне.

И медленно поплыл в свой шикарный номер, где любил жить в разгар сезона.

В коридоре отеля чисто, здесь не пахнет табаком и отвратительными модными духами. Тебе тесно в корсете, а вечернее платье тяжеловато из-за массы викторианских складок, вернувшихся в моду вместе с паровыми двигателями.

Ты вырываешь локоть из скользких пальцев охранника. Тебя грубо толкают и захлопывают дверь. Ты оглядываешься в богатой комнате и видишь перед собой противного толстяка в распахнутом халате и с почти пустым стаканом в руке.

– Не бойтесь, барышня. Вам здесь почти ничего не угрожает. Как вас зовут? – спрашивает толстяк.

Ты молча поправляешь шифоновые рюши на груди, где их помял охранник при обыске. Толстяк разглядывает тебя.

– Ладно. Я и сам могу именовать вас для удобства. Симпатичная, но тут вам не место. Эдакая Тотошка в Изумрудном городе… или как там её… Алиса в стране чудес! Хотя чудеса творите вы. Никому не позволено выиграть столько в моём казино. У вас нет гаджетов, нет сообщника. У моих людей глаз намётан. Вы ведьма? – он наклоняется, обдавая запахом, от которого я могу помутиться. – Выпускница известной школы? Как там её… Германа? Позвольте представиться! Александр Каннон, но все меня называют Графом.

Ты поднимаешь глаза. Со стороны похоже, что ты задумалась. На самом деле в тебе происходит внутренняя борьба, закончившаяся не моей победой, потому что через миг ты улыбаешься. Голос твой тоже шифоновый, с хрипотцой:

– Можете называть меня как вам угодно. Пусть будет Германа. Угостите даму виски, ваше сиятельство?

Наутро весть о смерти Графа распространилась по «Червонному Тузу» как пожар. Персонал гадал полушёпотом, а гости судачили на все лады.

В разгар шума в отель прибыла сама Елена Мур в компании с репутацией специалиста по раскрытию громких дел. Репутация всегда появлялась на месте преступления первой. Елена была одета в модное пальто «Стимпанк» с латунными пуговицами в два ряда, а под собранной как занавес юбкой были видны броги на каблуках. Елену встретил старый знакомый, администратор отеля с фамилией Зудкевич, который привёл её в номер покойника.

– Кто нашёл тело? – спросила Елена деловым тоном.

– Горничная сегодня утром, – ответил Зудкевич. – Елена, умоляю, ты меня так выручила в прошлый раз. Не подведи и теперь.

Елена кивнула, отметив два пустых стакана на столике. Она подошла к кровати. На лице Графа застыло сплошное разочарование, а врач скорой помощи уже закрывал свой саквояж.

– На первый взгляд все признаки сердечного приступа, – сообщил он, не дожидаясь вопроса. – Уверен, ваши эксперты дадут вам точную причину и время смерти.

Елена повернулась к администратору:

– Как у потерпевшего было со здоровьем? И были ли у него враги?

Зудкевич помедлил, прежде чем ответить:

– Зная его стиль жизни, инфаркту не удивляюсь. И соперников было немало. Но вчера вечером здесь была женщина – гостья, выигравшая значительную сумму денег.

Елена поправила круглые очки в широкой медной оправе.

– Постоялица?

– Нет. Прибыла по особому приглашению. Такие выдаёт только сам хозяин или его племянник. Граф её точно не знал.

– Когда она покинула отель?

– Никто не видел, чтобы она выходила из номера.

– Номер не охранялся?

– В том-то и дело, что в коридоре всегда дежурит человек. Ник с двери глаз бы не спустил.

– А где сейчас племянник господина Каннона?

– Официант сказал, что он вчера напился. Ты лучше завтра с ним поговори, больше толка будет, – сказал Зудкевич и добавил раздражённо: – Франц всё время ошивается в отеле и не платит даже чаевых. Он плейбой и наглец. Однажды ударил меня по голове пепельницей.

– Вот как? – сказала Елена. – Давно?

– Третьего дня.

– Значит, память не отшиб. Мне нужно посмотреть записи с камер наблюдения за прошлую ночь.

Зудкевич побледнел. Рядом с миндальным лицом Елены под мелкими чёрными кудрями это было особенно заметно.

– Я боялся этого.

– Записи стёрты? Не записались?

– Нет, – ответил Зудкевич. – Всё на месте… Но той женщины нет на записях. С балкона я видел её своими глазами.

Елена нахмурилась, наблюдая за лицом Зудкевича. Он никогда ей не врал.

– Не пойму… Ты её видел, но на записях её нет?

– Нет. Либо я схожу с ума, либо тут мистика какая-то.

– А есть разница? – пробормотала Елена.

Она снова огляделась в номере. Стаканы уже забрал криминалист. Он и его помощник снимали отпечатки пальцев, искали признаки ночной гостьи. Спрятаться было негде, а с третьего этажа…

Елена шагнула к окну и вдруг заметила на полу прямоугольный кусочек бумаги с сиреневым узором. Пальцами в перчатке она подняла его и перевернула. Это была игральная карта пиковой масти. У дамы на карте был сложенный веер в руках и насмешливое лицо. Карты в «Червонном Тузе» – обычная вещь, и Елена обратилась к одному из криминалистов.

– А где остальные?

Но тот с удивлением уставился на неё, зато стоявший рядом Зудкевич сказал, что таких карт в отеле никогда не было.

– У нас постоянный поставщик одинаковых колод с жёлто-зелёной рубашкой. Эта дама не наша.

– Хорошо. Мне нужно поговорить с ночным охранником.

Они направились в комнаты для персонала, где их ждал хмурый великан Ник. Он подтвердил, что женщина вошла в номер Графа, но не вышла. В её сумочке были только пудреница и несколько купюр.

– Опишите её внешность, – попросила Елена.

– Хорошенькая, лет двадцать пять, волосы коричневые. Рост пониже вашего, а кожа белее… – охранник возил глазами по самой Елене. – Платье взбитое, как теперь носят. Перчатки до локтей. Серьги здоровенные, как хрустальные люстры.

Большего добиться не удалось, но описание отличалось от данного Зудкевичем лишь личной оценкой. Да и в зале одни работники говорили, что она была молоденькая красавица, другие – что дурнушка средних лет. Помнили только серьги и что шатенке в сиреневом очень везло. Рабочий азарт Елены смешивался с недоумением. Работать было почти не с чем.

Маман счастливо повизгивает от огромных сумм на счету. Отец Томский целует тебя в лоб и говорит, что только ты оказалась достойной внимания духов предков и великой чести. Почему же тебе не радостно? Я знаю почему. Спроси меня – я отвечу. Я могу объяснить тебе, откуда взялась эта бездонная воронка в душе. И почему ты не можешь наполнить её тем, что, по словам отца, важнее всего на свете. Он ошибается. Нельзя ворованным наполнить то, что предназначено для заслуженного творчеством. Нельзя долго радоваться тому, что на самом деле не твоё. Но ты не хочешь слушать. Ты опрокидываешь стопку за стопкой, празднуя победу зла над принципом.

Вечером Елена пришла домой, кипя от досады. Криминалисты не смогли предложить ей ровным счётом ничего. Следов таинственной незнакомки не нашли нигде. Даже на карте, которую, вероятно, она принесла с собой. Отпечатки в номере Графа ничего не добавили, так как женщина была в перчатках. Стакан, из которого, возможно, пила гостья, был чист. Криминалисты искали её ДНК на покойнике и на руках охранника, но нашли только доказательство,

что постояльцы и персонал пользовались дверными ручками. Через зал прошли сотни мужчин и женщин, двери которым открывал кто-то другой, их бокалы к утру были вымыты, окурки выброшены.

На кухне Елена сердито швырнула на стол свой рабочий блокнот, и из него выпала проклятая карта. Пиковая дама насмешливо уставилась на Елену сквозь пластик. От обиды Елена так гремела посудой, что не слышала, как пришёл муж. Он успокоил её, спросил, как прошёл день, и Елена с облегчением рассказала ему о загадочном происшествии и о том, что скорее всего дело закроют. Владелец отеля скончался от остановки больного сердца, а подозреваемых нет. И никто не верит, что женщину в сиреневом стоит искать. Елена пыталась убедить коллег и начальство, что невинные люди не протирают стаканы и не исчезают. Но все только пожимали плечами, мол, мир богатых полон прихотей.

Муж выслушал, задумчиво повертел пакетик с картой в руках, близоруко прищурился и провёл рукой по белоснежным с рождения волосам.

– Эта карта любопытна тем, что таких больше не делают, – сказал он. – Картон толстоват, возможно, она была реставрирована. Готов поспорить, что ей несколько десятков лет.

– Думаешь? Но у неё не такой уж и потрёпанный вид, – удивилась Елена.

– Обратись в наш музей. Там тебе подскажут специалиста.

– И что это изменит?

– Не знаю, но у тебя больше ничего нет.

Утром на сайте музея Елена нашла адрес пожилого коллекционера и поехала к нему. Пенсионер Виктор вынул пиковую даму из конверта, долго изучал и, наконец, сказал:

– Соглашусь, этой карте много лет. По изображению не скажешь, потому что картинки воспроизводились десятилетиями. А вот рубашка…

Он принёс потрёпанный альбом и показал Елене чёрно-белые фотографии бубновой семёрки с обеих сторон. Узор рубашки был такой же, как на её карте.

– Этот альбом мне от прадеда остался вместе с коллекцией, – сказал Виктор. – Колоду он не приобрёл, но год изготовления указал – 1933-й.

– Значит, ей действительно сто лет.

– Хорошо бы, но мне кажется, что это подделка, хоть и вековая.

– Почему?

– Толстоват картончик. Так называемые «атласные» карты были шелковистые на ощупь и тоненькие. Хотя… погодите-погодите…

Старик вернулся к лампе. Он на минуту положил карту под какой-то зашипевший паром прибор, приподнял край рубашки и… снял с дамы пинцетом тройку треф. Под ней оказалось изображение длинношеей птицы.

– Не может быть! – прошептал он. – «Себя не жалея…» Императорский воспитательный дом!

Елена заглянула ему через плечо.

– Виктор, не повредите… Она нужна для следствия.

Но Виктор уже перевернул карту, бормоча:

– Не могу поверить, что держу в руках одну из первых… Александровская мануфактура… двенадцать рубликов за колоду. 1819 год. Конечно, неплохо бы было подтвердить возраст бумаги и красок, но взгляните…

Он выпрямился, на его лбу блестел пот, а Елена увидела старую, ужасно пожелтевшую пиковую даму с цветком в руке. Один её профиль был почти стёрт, будто его скребли ногтем. А старик шептал:

– У вас тут не одна карта, а три. Сзади приклеена тройка, а спереди пиковая дама. Обе карты – редкость, так как были изготовлены в прошлом веке. А между ними скрывается обра-

зец двухсотлетней давности. Обратите внимание на лубочный вид рисунка. А птица эта – пеликан!

Елена достала прозрачный пакетик, заметила выражение лица Виктора и сказала:

– Вы нам очень помогли. Когда следствие закончится, я попрошу, чтобы вам разрешили их забрать.

От Виктора Елена направилась в казино. Необходимо было как следует поговорить с племянником.

Тебе жарко от удовольствия. Когда мы остаёмся наедине, я делаю усилие напомнить тебе о последствиях. Но ты громко подпеваешь музыке и наклоняешься к полоске порошка на стекле. Значит, скоро я не смогу сказать ни слова.

Когда-то ты считалась со мной и умела сама выбирать, а теперь ты полностью доверяешь тому, что тебе говорят Маман и отец Томский. Их голоса звучат громко и чётко, тогда как я могу кричать и биться в твоей голове незамеченный. Мне одиноко. Даже по ночам ты душишь меня усталостью и шумом в наушниках, когда я пытаюсь сказать тебе… сказать тебе. Я уже не помню, что я хочу тебе сказать.

Открывается дверь, и Маман входит с таким видом, будто потеряла любимый чепец в твоей комнате. Тебя разбирает смех. Она что-то кричит про запрет отца на соцсети, но её голос далёк. Маман уходит, а ты засыпаешь, поняв только, что ритуал состоится завтра.

Франц, человек лет тридцати и постоянно страдающий от похмелья, встретил Елену без восторга.

– Что вам нужно? – спросил он, лёжа на диване. – Меня подозревают в инфаркте родного дяди?

– Мне важно спросить о женщине, которую вы пригласили в «Червонный Туз», – сказала Елена, пристально глядя на него.

Франц вздохнул.

– Я пригласил Ольгу, но я её почти не знаю. Мы встретились случайно, и она показалась мне необычной. Выходит, что она использовала меня, чтобы поиграть в рулетку.

Франц рассказал, как он увидел на площади девушку, которая задумчиво в одиночестве смотрела на светящееся табло с цифрами 2033 и что-то шептала. Вокруг все веселились, а она была грустна и прекрасна. Вид её говорил о скромных доходах, так как в платье было всего два слоя, пряжки – железные, а пальто – перешитая шинель. Он решил приударить, но она только раз взглянула на него и пошла по своим делам, не сказав ничего, кроме имени. Такого ещё не бывало. Франц долго шёл за ней и не мог смириться. Он сначала шутил, потом сыпал комплиментами, затем оскорблениями и, наконец, мольбами. Но когда перед его носом закрылась входная дверь старого особняка, его сердце было окончательно разбито.

В течение многих дней душевных мук он не мог поверить, что какая-то простолюдинка отвергла его… Его! Наследника игорной империи. Он отправлял в особняк цветы, подарочные ваучеры и был уверен, что влюблён.

Любовь прошла, как только девушка стала подозреваемой в смерти дяди, который, оказывается, успел перевести весь свой личный капитал какой-то благотворительной организации с названием «Себя Не Жалея».

Всё это грустный Франц поведал Елене Мур в своём номере.

– Моя жизнь потеряла смысл. Мне остался лишь «Червонный Туз», – вздохнул он. – Бизнес – это не моё.

Унаследованное от отца карамельное лицо Елены изобразило глубочайшее сочувствие. Она записала адрес того особняка и спросила:

– Но всё-таки, Франц. Как вам удалось её уговорить?

– Просто на мой номер вдруг пришло сообщение от неё, и я отправил билет с QR-кодом.

– А вы сохранили её послание?

– О да!

Франц показал Елене сообщение: «Пригласите меня в ваш отель, и если мне понравится, я тоже стану вашей. Ольга».

Не мудрено, что парень голову потерял.

– Перешлите мне его вместе с номером, пожалуйста.

– Конечно. Больше у меня ничего нет… Для чего мне жить?

Елена уже собиралась уходить, но в коридоре её остановил взволнованный Зудкевич.

– Елена, ты должна это видеть!

В офисе Зудкевича Елена увидела на экране компьютера один из кадров записи с камер наблюдения, застывший на паузе.

– Это она. Она! – Зудкевич тыкал пальцем в одну из женщин в группе у рулетки.

Елена прищурилась на брюнетку в фиолетовом платье.

– Но…

– Фильтр-ры!!! – прорычал Зудкевич, вскинув скрюченные пальцы перед лицом Елены. – Я сначала тоже искал в толпе шатенку в сиреневом. Потом заметил, что наши игральные столы ярко-зелёные, а на записи они темнее. А кресла! Они у нас жёлтые, а тут почти оранжевые. Я фотографией раньше увлекался и вспомнил про поляризаторы. Только здесь работа хакерская, дистанционная. Смотри!

Он почти оттолкнул Елену и прижал на панели блестящий шарик мышки. Изображение на экране сильно побледнело. Столы стали изумрудными, кресла – жёлтыми, чёрные волосы – каштановыми, а фиолетовое платье – сиреневым.

– А ещё у неё меняется лицо, когда она переходит от стола к столу.

– А почему ты раньше не заметил? Ты уже сколько лет здесь работаешь?

– Я был в стрессе.

– Ну как там погода? Что это за фокус с фильтрами?

– Это вопрос к твоему эксперту. Можешь связаться с ним здесь. Я выйду.

Бедный Зудкевич не знал, что дело уже закрыли.

Оставшись одна, Елена проверила сообщения и увидела тревожную новость от мужа. Ему сообщили в музее, что коллекционер Виктор в больнице. Он чуть не умер от инфаркта. Неужели это как-то связано с картой? Здесь явно не хватало важного звена, но не переслушивать же показания работников отеля? Их слишком много. Она уже знает, что там есть. Она хочет знать, чего там нет… Стоп!

Елена схватила телефон.

– Зудкевич? Сколько в отеле номеров?

– Сто пятьдесят.

– Сколько горничных было здесь в тот день?

– Пятнадцать.

– И у меня пятнадцать показаний уборщиц. Той, что нашла Графа мёртвым, среди них нет. Которая из них должна была убирать его номер?

– Я так сразу и не скажу.

– Одна девушка думала, что это было поручено ей, но когда поднялся шум, решила, что ошиблась. Ник ещё был на посту. Вот чего мне не хватает в его показаниях.

Зудкевич опять повёл Елену по коридорам, и её вопрос застал охранника врасплох:

– Вы случайно не задремали той ночью, когда умер Граф? Нет? Тогда расскажите о приходе горничной в номер. С какой стороны она появилась?

Ник покачнулся и онемел. Елена тоже молчала. Этому трюку её научил муж: чтобы другие заговорили, иногда нужно помалкивать. Наконец, Ник опустил глаза.

– Я действительно… кхм… отвлёкся на минуту под утро. Меня разбудил стук горничной в дверь номера.

– Которой?

– Эту толстушку я не знаю. Она вошла, а потом как заорёт… и как побежит…

Но тут заорал сам Зудкевич:

– Вон из отеля! И чтоб ноги…

Похожий на книгу в кожаном переплёте искусственный анализатор, который сама Елена называла ИА, собрал вместе всё, что Елене удалось найти, – все описания, показания, аудио- и видеозаписи, – и выдал результат.

– Хм, – сказала Елена. – Так никакая она не Ольга, а особняк тот – бывший сиротский дом? План был попасть к Графу, заставить его перевести деньги якобы на благотворительность. Он должен был умереть, и орудие убийства – карта. Утром, услышав храп охранника, она вышла из номера. Почему просто не ушла? Есть версия?

ИА ответил голосом мужа:

– Есть. Дверь стукнула, охранник проснулся, и она притворилась, что пришла убирать.

– А во что она была одета?

– Не могу знать, но ходить по отелю она могла только в форме.

– Ладно, потом спросим. По лицу удалось установить личность?

– Подозреваемая гримасничала, но по строению лицевых костей можно узнать гражданку Лизавету Томскую из соцсетей. Есть адрес родителей.

– Знакомое имя, – сказала Елена.

– В 1933 году некая шулерка Лизавета Томская попала в «Городские ведомости», выиграв крупную сумму в карты и исчезнув.

– Интересные совпадения. Ровно сто лет назад. Можно дело заново открывать.

Ритуал уже начался, когда громкий стук в дверь и крики: «Полиция!» заставляют Маман сорваться с места и спрятать все атрибуты обратно в сундук. Однако, вместо того чтобы потушить свечи, она разбивает одну из ваз на полке, и комната наполняется дымом.

– Беги! – кричит тебе отец Томский.

В комнату врываются полицейские. Они зажимают носы в сладковатом дыму, но поздно. Ты знаешь, что они видят твоих неподвижных родителей, которые медленно растворяются в сером облаке. Вместо них перед глазами сильных мужчин появляются страшные лица, на собственных руках они видят кровь и застывают на месте от ужаса. Один вдруг падает, воя от страха, другой бьёт товарища по лицу и сам же кричит от боли. Это твой шанс. Ты устремляешься к задней двери. Вокруг шум и хаос, но перед тобой возникает чёрная женская фигура, у которой вместо лица уродливая маска с двумя круглыми стёклами. Её рука в перчатке хватает твоё запястье с неженской силой. Ты слышишь глухой голос:

– Лизавета Петровна, вы арестованы.

Вечером ты разглядываешь её, начинаешь машинально пересчитывать её пуговицы, но останавливаешь себя и произносишь:

– Вы красивы. Я тоже хочу быть такой через двадцать лет.

Женщина смотрит на тебя без выражения.

– Лизавета Петровна, через двадцать лет вы ещё будете сидеть, а в тюрьме салонов нет. Помогите мне сократить грозящий вам срок и расскажите, как вы убили господина Каннона?

Ты поднимаешь глаза.

– Я его не убивала. Я ему показала фокус с картой, а он упал.

– Вы не позвали на помощь. Он мог выжить.

– Он умер.

– Нет, – смуглая женщина нахмурилась, – любой школьник в наше время знает…

– У меня были частные учителя.

– Почему?

– У родителей спросите.

– А где сейчас ваши родители?

Ты многозначительно вздыхаешь.

– В Париже. Или в Брюсселе. Они не будут сидеть и ждать, пока вы карету за ними пришлёте.

– А карту вы намеренно оставили?

– Нет.

Я делаю попытку докричаться до тебя. Я взываю к твоим привычным чувствам… к досаде, к твоей постоянной зависти… Они бросили тебя! Они уехали, даже не наняв адвоката на деньги, которые ты же добывала… Но ты бьёшь себя кулачком по виску несколько раз с зажмуренными глазами, и я умолкаю.

Женщина ждёт. Она не знает, какая борьба происходит между нами. Наконец, садится и спрашивает:

– Лиза, что они с вами сделали?

– Ха! – восклицаешь ты и, к моему ужасу, делаешь это искренне. – Зря стараетесь! Мне повезло с родителями. Они дали мне редкое образование и великую честь стать носителем древнего духа. А это возможно только раз в сто лет. Они дали мне свободу…

Но смуглая женщина перебивает тебя:

– Лиза, вы в тюрьме.

Похоже, мы с ней на одной стороне. Но как убедить тебя? Ты молода, у тебя ещё есть шансы… Но ты снова бьёшь себя по лицу.

– Вы ничего не понимаете, – шипишь ты, и я не знаю, обращаешься ты к ней или к нам обоим, – это невозможно понять. Только дух знает истину. Он говорит мне, что делать.

– Лиза, а что он говорит вам сейчас?

Ты прислушиваешься, но теперь я молчу. Может, ты поймёшь, что кроме меня здесь никого и никогда не было.

– Вы ему мешаете.

– А он знает о вашем аресте? Вам почти тридцать. Судьям всё равно, сами вы убивали или вам кто-то велел.

– Значит, так надо, – уверенно отвечаешь ты. – Он вызволит меня отсюда. Вот увидите.

Женщина кивает задумчиво. Ты готовишься к шквалу вопросов. Сейчас она будет сыпать подробностями и просить тебя прокомментировать, вспомнить, рассказать, ответить, объяснить… Ты готова отражать любой выпад, любую каверзу и любой подвох… Но она встаёт и спокойно выходит из камеры, а охранник щёлкает замком.

Ну, что же? В наступившей тишине я понимаю, что у меня есть только один способ спастись от правосудия. Прости. Я старался как мог, но я вынужден предать и покинуть тебя. Теперь тобой займутся врачи, а не судьи, и я жалею только об одном… Что, как ты, не сделал этого раньше.

Зудкевич стоял посреди ресторана в сиреневом вечернем платье и весело призывал ко вниманию. Сидящие за столиком гости, а именно всё районное отделение сыскной полиции города, притихли. Они были любезно приглашены в «Червонный Туз» новым владельцем отпраздновать окончание дела.

– Я назвал этот фокус «платье-перевёртыш». Наши работницы не разобрались с механизмом, поэтому пришлось мне.

Администратор наклонился, пошуршал складками юбки и задрал её выше головы. Когда он снова опустил руки, вместо сиреневого шифона на нём оказалась длинная форма горничной отеля, а сам Зудкевич вроде как растолстел.

Полицейские поаплодировали и посмеялись, а старший офицер постучал вилкой по рюмке.

– Да, кроме этого платья и пудры-транквилизатора, мы много интересного нашли в доме Томских. Но остаётся загадкой, как преступница выигрывала такие деньги? Следователь Мур?

Но Елены в ресторане не оказалось. Навестив Виктора, она уже давно стояла на набережной в объятьях высокого мужчины с совершенно белой шевелюрой. Они наблюдали за танцем фонарных отблесков в чёрной воде, пока мужчина не спросил:

– Насколько глубоко?

– Не знаю пока, – ответила Елена мужу, – кроме галлюциногенов, на карте были препараты, способные вызвать сердечный приступ даже у здорового человека. Наши медики нашли их и у Каннона, и у Виктора. Голыми руками к карте прикасались только они.

– Нам повезло. Но отследить Томских будет сложно. Особенно после того, как их дочь лишилась рассудка. У этой семьи могут быть связи во многих странах.

– У меня есть козырь – организация «Себя Не Жалея». Да и ты мне поможешь, правда?

– Я устарел.

– Что? Рон, да ты лучше всего моего отдела вместе взятого.

Оба рассмеялись, а в небе над ними пронёсся ветерок, холодный и резкий, как неприкаянный древний дух.

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

Ирина Ильина.
ИСТОРИЯ УБИЙЦЫ САЛЬНИКОВА
(«Моцарт и Сальери»)

Первое, что утром увидел Антон Сальников в вестибюле конструкторского бюро, – портрет сослуживца Володи Царёва в траурной рамке. Фотографию подобрали хорошую, хотя Володя на ней не походил на себя: он имел привычку смотреть слегка поверх собеседника, портрет же встречал входящих прямым укоризненным взглядом. Сальников приблизился к портрету, потоптался и даже исполнил перед портретом что-то вроде полупоклона. Взгляд его при этом упёрся в журнальный столик под портретом, где в вазочке вместо двух дежурных гвоздик оказались персиковые розы.

– Это что же это… – повторял про себя Сальников, проделывая путь до захламлённого кабинета, который он делил с пятью – теперь уже четырьмя – сослуживцами.

Из полураспахнутой двери кабинета доносился приторный запах, который у Сальникова вызывал смутные ассоциации с приездом тёщи из Брянска. Пространство заполняли бормотания и всхлипывания, шторы были задёрнуты, так что Сальников на миг решил, что гроб с покойным установили прямо на рабочем месте. Как только он шагнул за порог, к нему бросилась Эмма Витольдовна, старожил бюро, пересидевшая трёх директоров.

– Какой ужас, Антон Григорьевич! – всхлипнула она, вцепившись в его рукав, – Володенька! Несчастный случай! Знаете, он шёл в связке с одной девицей…

Эмма Витольдовна принялась сыпать подробностями, из которых Сальников уяснил, что Володя, проводивший отпуск в горном походе, шёл в связке с девушкой, не имевшей нужного опыта. Кроме опыта, были ещё какие-то факторы – не то вес девицы, не то рост, этого Сальников не уловил. Эмма Витольдовна, в молодости покорившая пару пятитысячников, считала себя экспертом в альпинизме и постоянно подчёркивала, что у них с Володей «общая страсть». Володя, впрочем, эти поползновения обрывал резко и даже грубо. Как-то пошутил, что знает, чьим песком посыпана трасса. Эмма Витольдовна сделала вид, что не расслышала, но её рассуждения о горах «где раскрываются люди» прекратились на пару месяцев.

Теперь же остановить её было некому, и ненависть к наглой девице, которая погубила Володеньку – вот ведь светлый был мальчик! – сочилась как сукровица из ссадины.

– Но вы же понимаете, Антон Григорьевич, он был такой милый, такой романтичный, не мог бросить девушку! – продолжала Эмма Витольдовна.

– Девушка-то жива? – рассеянно спросил Сальников.

Романтические устремления Царёва его не удивили. Влюблялся тот с завидной регулярностью, при этом взгляд его, и так устремлённый в точку за ухом собеседника, становился ещё более рассеянным. На работе он в это время появлялся спорадически, а вот присутствие на рабочем месте от звонка до звонка означало, что очередной роман окончен и Володю постигло разочарование.

Узнав, что девушка жива, только «ногу сломала, ослица», Сальников тут же вспомнил о предыдущей пассии Царёва, их практикантке Светочке. Все коллеги, а кроме них с Царёвым тут работали одни женщины, с энтузиазмом сватали их, считая, что в тридцать пять мальчику пора остепениться. Сначала дело шло на лад, но в последнее время Царёв к юной инженерше охладел, вот и в горы пошёл с другой.

Из угла, где сидела Светочка, донёсся всхлип, и Сальников, устыдившийся, что забыл о девушке, оторвался от Эммы Витольдовны и шагнул в закуток практикантки.

– Света, вы… я… Приношу свои соболезнования, я знаю, как Володя был дорог вам.

– Вы! – сжавшаяся в сопливый комочек девушка вдруг распрямилась пружинкой, выскочила из-за стола и даже потрясла у Сальникова перед лицом кулачками, – вы его ненавидели! Вы завидовали! Скучный, мерзкий бездарь! Это вы убили его!

Оттолкнув Сальникова, она выскочила в коридор, по пути скукоживаясь, обхватывая себя руками, словно прячась в невидимый панцирь. Антон развернулся к коллегам, созерцавшим эту сцену, и развёл руками: вот ведь как бывает…

– Бедная девочка беременна! – донёсся чей-то шёпот.

Сальников прошёл на своё рабочее место и, уставившись в экран монитора, всерьёз разозлился на Царёва: как можно было так безответственно умереть, бросив беременную Свету! В целом на романтические похождения сослуживца он смотрел снисходительно и даже отпускал вполголоса что-то вроде «были и мы рысаками», хотя никаким «рысаком» уже двадцать лет женатый Сальников никогда не был. Но дети… У Антона с женой детей не было, и он перестал думать об их появлении. А ведь раньше иногда фантазировал, каким отцом он бы был. И получалось, что хорошим.

– Антон Григорьевич! – вдруг раздалось у него над ухом. – Вас к директору!

«Ну вот и началась белая полоса!» – с тоской подумал Сальников.

Теперь, когда Володя мёртв, проект многофункционального манипулятора поручат ему. То есть ему бы и так его поручили, это же его детище. Но Володя был хорош, нельзя не признать. Он мог возглавить этот проект, и ещё десять таких, и везде был бы успешен.

Плутая по лабиринту коридоров, Сальников вспоминал последний разговор с Царёвым, как раз перед его отпуском. Тот вдруг зашёл Антону за спину и невзначай заглянул через плечо. Первым движением Сальникова было отключить монитор, укрыть работу от наглого выскочки, но он усилием воли сдержался. Развернулся в кресле и даже приглашающий жест сделал – смотри, мол, каково? Нет, недоделки есть ещё конечно, но виден же коготь льва.

Царёв взглянул на монитор, и его лицо тут же приобрело скучающее выражение.

– Знаешь, Антон, – в произношении его был лёгкий дефект, едва уловимый прононс. Сальникова раздражало, как звучало его имя в исполнении Царёва, а тот, казалось, нарочно обращался к нему по имени, – знаешь, Антон, а ты ведь нарцисс. Ты так уверен, что совершенен, что создаёшь всё по своему образу и подобию. Трудно быть богом, а? – Царёв хмыкнул. – Смотри, ты же строишь автоматон, свою механическую копию. А между тем для многих задач было бы удобнее иметь не руку, а, к примеру, щупальце. Или вообще – газ.

– Газ? – переспросил Антон.

– Сальников, ты что, никогда не слышал о пневматике? – Царёв насмешливо уставился на коллегу.

– Вот, к примеру, твой автоматон, – он схватил карандаш и схематически набросал несколько технологических узлов. Идея была простая, но до невозможности изящная. Сальников даже удивился, как он сам до этого не додумался.

«Пожалуй, надо эту идею использовать, не пропадать же ей», – малодушно подумал Сальников, открывая дверь директорского кабинета, и тут же устыдился, что едва не обокрал покойного. От стыда ли, от брызнувшего из дверного проёма солнечного света он зажмурился и не сразу обнаружил, что в кабинете кроме директора есть одышливый толстяк в приличном костюме, который развернулся к нему всем корпусом.

– Антон Григорьевич, присаживайтесь! – указал на свободный стул директор. – Разговор у нас серьёзный. Видите ли… – тут возникла заминка, но толстяк кивнул, и директор продолжил, – Владимир Павлович, к несчастью, покинувший нас внезапно, да…

Снова повисла пауза. Сальников недоумевал, но не торопил начальство.

– Так вот, Владимир Павлович работал не только у нас, но и в 547-м отделении, вы понимаете, о чём идёт речь.

Сальников кивнул. К горлу подкатил комок. Вот значит как! Болтун и бабник Царёв работал над федеральным военным проектом, о котором ему, Сальникову, и знать не положено, хотя знал, конечно. Чёртов Володька!

– Так что позвольте вас представить, это товарищ майор, – фамилию майора Сальников то ли не расслышал, то ли директор её и не произносил, а просто прочистил горло, – он должен уточнить обстоятельства кончины Владимира Павловича.

– Тем более тут по коридору барышня металась, кричала, что вы Царёва, хе-хе, убили! – вдруг жизнерадостно заявил толстяк.

«Света… господи, да что же такое-то», – мелькнуло в голове у Сальникова.

– Так вот вам повесточка, побеседуем, – майор ловко выудил из портфеля клочок серой бумаги, вид которого не соответствовал ни солидной конторе, которую толстяк представлял, ни даже портфелю, приятно пахнущему кожей.

– И вот здесь распишитесь… И здесь… Да что ж вы не читаете, что подписываете, Антон Григорьевич! – вдруг пожурил толстяк и как бы невзначай подтолкнул к выходу.

И так ловко у него получилось, что Антон пришёл в себя лишь на рабочем месте.

– Вот… Света в коридоре кричала. Вызывают на допрос теперь, – коряво пояснил он произошедшее.

– Да уж! – Эмма Витольдовна возмущённо покрутила головой, не то осуждая Свету, не то следственные методы. – Да уж!

Майор встретил Сальникова с той преувеличенной приветливостью, которая скорее пугает, чем радует.

– Проходите… Чаю? Кофе? Крепкого не держим, виноват, – и майор довольно хохотнул.

Сальников притулился на краешке стула, затем поёрзал, опёрся на спинку и сразу стал увереннее.

– Чаю… пожалуйста.

– Тут ведь дело какое, – задушевно начал майор, – пострадал ваш коллега по своей неосторожности, это ясно, и дело можно закрыть. Но непростой он был человек. Талант! Хотелось бы исключить…

Он словно не мог подобрать нужного слова, что же хотел исключить в таком ясном случае, как гибель в горах. Сальников ждал.

– Вот к примеру, – и майор пододвинул собеседнику кружку с бледной заваркой, сквозь которую проглядывали на дне отложения былых чаепитий, – мне, человеку от ваших тонкостей далёкому, трудно оценить, что он мог, ваш Царёв?

– У него было дарование, – осторожно сказал Сальников. – Несомненное. Он каждый механизм не столько понимал, сколько чувствовал. На глаз мог определить слабое место и сразу понять, как его обойти или усилить.

– На глаз не очень надёжно. У вас же там расчёты, сопромат.

Сальникова расправил плечи. То, чего он не решился бы сказать о покойнике, сказал человек посторонний, а значит – объективный.

– Да, – признал он и глотнул пахнувший несвежим сеном чай. – В нашей работе интуицию к делу не подошьёшь.

– Так и у нас тоже, – обрадовался майор. Внезапно он потянулся к Сальникову, даже прилёг грудью на стол: – А ведь, признайтесь, завидовали этому сукину сыну, а?

– Завидовал, – неожиданно легко признался Сальников.

– Всё-то ему само в руки шло! И начальство его любило, и коллеги, и девушки…

– Девушки! – возмутился Сальников. – Вот он погиб, а практикантка наша от него беременна. Как так можно было?!

– Откуда вы знаете, что Светлана Леонидовна беременна? – внезапно остро и без всякой задушевности спросил следователь.

– Не знаю, – смутился Сальников. – Сказал кто-то…

– Кто именно? – не отставал майор.

– Да не помню я! Кто-то из женщин… Какая разница?

– А разница такая, – вдруг отчеканил майор, – что Светлана Леонидовна и сама до сегодняшнего утра не была уверена, что беременна. Она, значит, не знала, а вы знали…

Сальников снова заёрзал. «Как глупо, – думал он, – зачем ляпнул про Свету?»

– Интересовались, значит, Светланой Леонидовной, – неожиданно добродушно заключил майор.

– Только как коллегой, – уточнил Сальников и сам удивился пошлости фразы.

– Интересовались, – повторил майор, – и поди думали, вот помер бы этот Царёв, вот не было бы его вообще. Да вы не пожимайте плечами. Что ж, думаете, у меня тут таких борзых щенков нет? Порой такие казни им представишь, что сам удивишься… Но мысли у нас ненаказуемы. Да вы пейте чай. А я поинтересовался вашим досье. Есть и на вас досье, есть, не сомневайтесь!

«Да я просто мышь, с которой играет зажравшийся кот, которому лень и скучно прикончить добычу одним ударом», – подумал Сальников. Теперь он замечал в толстяке только эти хищные проблески, сияние невидимых клыков, проступающее на ординарном лице служаки.

– Какая разница, хотел я Царёва убить или, к примеру, в шампанском искупать? Какая разница, если он погиб… Куда он там полез?

– На Эльбрус, – любезно подсказал майор.

– Если он погиб на Эльбрусе, а я был в Москве! Меня тут все видели, коллеги, жена… коллеги… – Сальников запнулся, осознав, что его жизненный цикл выглядит унизительно скудно. – Все меня видели!

– А почему вы решили, Антон Григорьевич, – майор вдруг заговорил тихо и вкрадчиво, – почему вы решили, что умер он на Эльбрусе?

– Ну как же… – такого поворота Сальников не ожидал. – Восхождение, связка, девушка…

– Так, всё так, – закивал майор. – Упал, запястье сломал, три ребра, ну там по мелочи, обморожения небольшие, пока спасателей ждали. Ничего смертельного, одним словом. А умер он здесь, в третьей городской больнице. Это, если не путаю, две остановки на троллейбусе от вас?

Сальников кивнул, майор откинулся на стуле, помолчал и вдруг совершенно обычным голосом произнёс:

– Вот ведь какая ерунда получается, Антон Григорьевич. Здоровый, сильный как бык молодой конструктор, работающий над проектом государственной важности, умирает в больнице от воспаления лёгких за пару дней. Умирает в квартале от человека, который искренне его ненавидит. Такой вот у нас с вами расклад, да… Что ж вы ему подсыпали, Антон Григорьевич? Или, может, вкололи? Да нет, не отвечайте. Экспертиза найдёт. Неопределяемые яды – это легенда.

– Да нет у меня ядов, – невольно в тон ему сказал Сальников. – И достать мне их негде. И синтезировать я их не могу, я же не химик.

– Бросьте, Антон Григорьевич, – махнул рукой майор. – А интернет на что? Да и не нужно синтезировать. Вот, к примеру, вы от давления что пьёте?

Сальников не понял, в какой момент в руках его собеседника появилось несколько сколотых скрепкой листов с убористым текстом.

– Так, серьёзный препарат, – он назвал таблетки, которые ему действительно посоветовал терапевт пару месяцев назад. – Что ж вы, Антон Григорьевич, вам всего-то сорок один. Но этим, пожалуй, не отравишь, – рассуждал вслух майор. – А вот тёща ваша, Светлана Леонидовна, – он споткнулся, полез в распечатки сверяться, хмыкнул – бывают же совпадения, –

тёща, недавно преставившаяся, от нервов пила настоечки, в том числе и, – майор снова заглянул в бумаги и по слогам прочитал название. – А травки, знаете, вещь такая. Пять капель – и спишь спокойно, пятьсот – уснул навсегда.

Сальников его уже не слушал. Вспышкой сработало воспоминание: вот он открывает дверь в кабинет, и по коридору расползается гнилостная сладость тёщиных капелек…

– Если вы меня не арестовали, то я пойду! – Сальников распрямился, как складная рулетка, пощёлкивая суставами.

– Да погодите. Пойдёте, конечно, пропуск вам только выпишу, – майор закопошился в стопке серых пористых бланков. – Вы зайдите ко мне… да вот завтра хотя бы. Только уж из города не уезжайте, ладно?

Сальников хотел отправиться домой, чтобы спокойно всё обдумать, но поехал почему-то на работу.

Эмма Витольдовна кажется подкарауливала его у входа в кабинет.

– Ну что, Антон Григорьевич?

Сальников прошёл к своему столу. Подписки о неразглашении с него не взяли, так что некоторое время он размышлял, о чём сказать, а о чём умолчать.

– Вот, вызвали завтра на беседу, – развёл он руками.

Эмма Витольдовна шумно вдохнула.

– Володя, оказывается, умер в Москве, в больнице. Подозревают, что его отравили настойкой «Сон Лакшми», – по наитию сказал Сальников, ничего особо не планируя.

Внезапно сиреной взвыла Зинаида Михайловна, которую Володя называл «переходящей мумией» бюро. Лет ей было уже под 80, и сократить её пытались регулярно. Но Зинаида Михайловна шестым чувством угадывала приближение опасности и уходила на больничный, где и пребывала, пока гроза не минет. С ловкостью, удивительной для её возраста и комплекции, она метнулась к давно забитой раковине и принялась трясти над ней пузырёк с удушающей жидкостью.

– Володя, такой дивный мальчик, – всхлипывала она, – у кого же рука поднялась, кто посмел…

Света подскочила к ней и перехватила пузырёк.

– Прекратите, Зинаида Михайловна! – зашипела она. – Сейчас у вас прихватит сердце, чем вас отпаивать будем? А капли продаются в любой гомеопатической аптеке!

– Аюрведической…

– Тем более! А дивный мальчик дважды писал на вас докладную, требуя уволить балласт, на который тратятся деньги!

– Да я же… – Зинаида Михайловна рухнула на стул. – Я же не из-за денег! Саныча моего не стало, сын в Америке, дочка во Франции. Что мне делать дома одной? Вот хожу, мешаю вам, прав был Володенька…

– Да что вы заладили: Володенька, Володенька… Володенька каждому из нас делал гадости. Обаятельно так, с улыбочкой и сознанием своей правоты.

Сальников поразился перемене в настроении Светочки, но вспомнил слова майора, что та только накануне узнала о беременности.

– Он же выживал вас отсюда, Зинаида Михайловна, причём просто из интереса, – продолжала Света, – Эмма Витольдовна, а на ваш счёт он столько мерзких шуток отпускал! Таня, он же тебя без денег оставлял!

Таня, самая неприметная из коллег Сальникова, была матерью-одиночкой, пришибленной жизненными трудностями. Ни талантов, ни толкового образования у неё не было. По негласному уговору, во всех проектах ей оставляли оформительскую часть, не требующую высокой квалификации. Оставляли все, кроме Царёва. А если учесть, что именно через него

проходили самые вкусные заказы бюро, доходы Тани в последние годы снизились вдвое. Чтобы свести концы с концами, она даже взялась мыть полы в конторе.

– Да ладно, чего там, – смутилась Таня. – Владимир Павлович не обязан.

– Он никому не обязан! Ничем! А мы все его любили… И у каждого из нас была причина его ненавидеть.

– Ну уж ненавидеть, вы преувеличиваете, Света, – вмешался Сальников. – Я вот…

– Я вас не осуждаю, Антон Григорьевич, – понизила голос Света. – Никто не осуждает.

Вызов к директору принёс Сальникову облегчение. После выступления Светы в комнате воцарилось мучительное для Антона молчание. Он хотел оправдаться, заявить, что не травил Царёва, но его никто слушал, все усиленно делали вид, что заняты. В кабинете директора, к удивлению Сальникова, речь тоже пошла о работе.

– Неплохо, очень ведь неплохо, Антон Григорьевич! – прокомментировал тот давнюю, почти год назад поданную заявку, в которой Сальников предлагал переделать один из ключевых узлов в большом проекте. Проект, к слову, до сих пор кочевал по бюро.

Сальников посмотрел на пожелтевший край титульного листа заявки. Наверное, бумага долго лежала, заваленная другими документами, и оказавшийся на солнце край успел потемнеть.

– Царёв бы лучше справился, – почти механически заметил он.

– Да что вы заладили: Царёв, Царёв! – с досадой отмахнулся директор. – Мне его завиральные идеи знаете где? На одно толковое предложение девять фантазий! Смело, да… а сколько это стоит, он хоть раз посчитал? А кто изготавливать это будет, он думал?

Оба некоторое время помолчали. Наконец директор решительно сменил тему.

– Антон Григорьевич, я уже не в тех годах, конечно, но кое-что ещё могу. Знакомства остались. Похлопочу. А вы возьмите пока, – он выудил из кармана визитку, – это адвокат, который как раз специализируется на таких делах, как ваше.

– Как моё? – поразился Сальников. – Но я ничего не сделал!

– Да я же от чистого сердца… вы позвоните просто, проконсультируйтесь. Берите.

Антон осторожно взял визитку, которой настойчиво тыкал директор.

– Спасибо, – сказал он. И почему-то добавил: – Прощайте.

Дома Сальников задумался, что брать с собой к следователю? Бельё наверное. Ну да, трусы, носки, рубашку чистую. Подумав, сложил в пакет журнал с шахматными этюдами. В шахматы Сальников с подросткового возраста не играл, но задачи решать любил и часто проводил за ними вечер. И тут он поймал заинтересованный взгляд жены. Объясняться не хотелось, поэтому он постарался говорить покороче.

– Володю Царёва убили. Помнишь, учился на первом курсе, когда мы поженились?

Жена кивнула. Хотя Царёв поступил в институт, когда они уже были выпускниками, но его, пятнадцатилетнего вундеркинда, знали все. Сальников подумал, нужно ли ещё что-то сказать, но жена дальнейших объяснений вроде не ждала.

Поженились они на пятом курсе. У них в техническом вузе был дефицит девушек. Ухаживать за хорошенькими Сальников не решался, знакомиться не умел, поэтому стал оказывать знаки внимания однокурснице непривлекательной и непритязательной, а она ухватилась за Антона как за выигрышный лотерейный билет. Любви между ними не было, не появилось и привычки. А было что-то вроде вакуума, скреплявшего их, как Магдебургские полушария, которые не растащить и двум дюжинам лошадей. Порой Антон, задумавшись, натыкался дома на жену и вздрагивал, некоторое время соображая, кто эта женщина. Так после путешествия не узнаёшь спросонья свою комнату. Сальников решил считать это высшей формой привязанности, мол, мы друг для друга как воздух: не замечаем в повседневности, но и прожить один без другого не можем.

Подумав об этом, Сальников вышел в коридор, достал из старого портфеля непонятно зачем собираемую заначку. «Вот и пригодилась», – подумал он и, не считая, поделил пачку купюр пополам. Половину сунул в карман брюк, а вторую, вернувшись на кухню, положил перед женой на стол.

– Деньги. На первое время.

Жена ничего не ответила.

Перед визитом к следователю Сальников завернул к работе. Ему пришлось прятаться за углом, пока на улице не появилась Света. Он подхватил её под локоть и увлёк в проулок.

– Света, я знаю, вы любили Володю, – начал он мысленно отрепетированную речь, но запнулся.

Лицо Светы сморщилось, она, кажется, собралась заплакать.

– Антон Григорьевич, я же не знала, что вы… Вы никогда не говорили, не намекали…

Сальников смутился.

– Света, так получилось, что я знаю, что вы беременны. У меня есть небольшая сумма, вам пригодится, возьмите.

– Но… Я даже не решила, оставлю ли я ребёнка!

Эта мысль Сальникову в голову не приходила.

– Всё равно, вам нужно, – он неловко сунул конверт с разномастными купюрами в руки Светочке и, решительно развернувшись, почти побежал прочь.

Следователь встретил Сальникова ещё более доброжелательно, чем накануне.

– Антон Григорьевич! Приятно вас видеть!

– Я пришёл сознаться. Чистосердечно, в убийстве Царёва, – торопливо выпалил Сальников, опасаясь, что если он промедлит, то уже не сможет и рта открыть.

– А это правильно! – обрадовался майор. – Это повлияет на приговор, в вашу пользу, конечно. Вы же умный человек, всё, наверное, просчитали, да? Нет-нет, я не осуждаю! – он замахал руками, словно пытался разогнать двусмысленность сказанного. – Содействие следствию в суде будет отмечено, обещаю! Вот вам бумага, ручка. Чаю, может, налить? Ну нет так нет… А всё-таки, чем вы его? Ну не капельками же… Это я так, для затравки сказал.

Антон помотал головой, не отрываясь от листа, на котором уже вывел «Чистосердечное признание».

– Я подменил ему несколько карабинов. Он ходил со старыми, стальными. Они хранились у нас в бюро, у нас же секция альпинизма чуть ли не с семидесятых работает. Знал, где они лежали. Подменил на титановые.

– Где же вы их взяли? – удивился следователь.

– Украл у коллеги, Эммы Витольдовны. Во времена её молодости они были в моде, потом выяснилось, что хоть и прочные, но хрупкие. Она часто про это рассказывала. Вот, напросился к ней в гости, разговорил, попросил показать…

– Сомнительный план. Он же шёл в связке, нужно было, чтобы все карабины разом сломались. К тому же его напарник мог быть человеком опытным.

– Не мог, – оборвал его Сальников. – Это же Царёв. Он бы не потерпел рядом человека опытного. Ему нужно было, чтобы им восторгались… желательно, девушка. Да и не хотел я убивать его напарника. Я надеялся, что он сорвётся, вывихнет руку или ногу. Чтобы застрял на горе в ожидании спасателей.

– Но зачем?

– Это была вторая часть плана. А первая – слегка его притравить. Я ему подсыпал в еду иммунодепрессанты. У моей жены системная волчанка, так что они дома были. – Сальников на минуту замолчал, вспомнив некстати, что именно из-за этого детей у них с женой и не было. В голове сразу всплыла беременная Света.

– Угощал его, домашним, и сам ел, конечно, чтобы подозрительно не было, – продолжил Антон, – из респираторных инфекций не вылазил.

– И всё равно не понимаю…

– Ну как же, – поразился непонятливости майора Сальников. – Он в горы простывшим ушёл, но слишком увлечён был новой девушкой, чтобы отказаться от похода. Пижон. По моим прикидкам, к походу у него уже была начальная стадия пневмонии. За пару дней он должен был подняться на достаточную высоту, чтобы начался отёк лёгких. В принципе, можно было с карабинами и не возиться, но если бы он застрял на высоте с пневмонией…

– Да вы гений, – восхитился майор. – Изящно и недоказуемо! Вы пишите, – поторопил он Сальникова. Тот торопливо продолжил писать.

Дверь открылась и майор вскочил. Вошедший был в гражданском, но Сальников чувствовал исходившую от него власть, словно запах дорогого одеколона.

– Что у тебя, Серов? – поинтересовался он у майора. Сальников впервые услышал фамилию майора и удивился, как она подходит. Серов. Серый волк.

– Вот, гражданин Сальников признался в убийстве Владимира Царёва! – доложил майор.

Большой босс, как мысленно окрестил его Сальников, взял лист с признанием, без всякого интереса прочёл и бросил на стол.

– Взрослый же человек, Антон Григорьевич, – обратился он к Сальникову. – Ну и зачем вы это придумываете? Голову нам морочите. И ты, Серов, всё в игры психологические играешь… Экспертиза пришла. От разрыва аневризмы ваш Царёв умер. Идите домой, Антон Григорьевич, не занимайтесь глупостями.

Сальников почему-то вышел не в те двери, через которые входил; не в переулок с решётчатой оградой, а на площадь. По прихоти светофоров автомобильные потоки замерли невдалеке, и перед Сальниковым открылось безжизненное асфальтовое поле. Антон сделал шаг по направлению к нему и остановился. Он подумал, что без своего мучителя Царёва он словно осиротел. Вся жизнь его теперь – пустое серое поле, и идти по нему некуда, не к кому, да и незачем.

Дарья Копосова. ПОИГРАЕМ? («Гробовщик»)

– Андреич! – Дверь в кабинет распахнулась без стука. – Там такой… странный. Говорит, пятерых убил. Куда его?

Ваня, не отрываясь от выцветших документов, кивнул дежурному:

– Ко мне его давай. Побеседуем.

Иван бегло глянул на стажёра. Семён откинулся на стуле, скрестив руки на груди. Его ухмылка раздражала.

Дежурный снова материализовался в дверном проёме, на этот раз держа под локоть тощего молодого мужчину с почерневшими ямами глазниц на бледном лице:

– Вот он, наш субчик. Пришёл с повинной, даже бумажку с признанием принёс, – дежурный покрутил пальцем у виска.

Стажёр Семён хрюкнул.

– Это я убил, – выпалил визитёр и тут же умолк.

Иван поднял голову на вошедших. Его раненый, почти ослепший левый глаз смотрел в упор не мигая. Подёрнутый туманным бельмом, он делал Ваню похожим на покойника.

– Мертвец… – прохрипел странный. – Мертвец! Мертвец! – дёрнулся, закричал и, собравшись с силами, оттолкнул от себя дежурного, хватаясь за дверь. Дежурный пошатнулся, да не упал. Перехватил нарушителя за шкирку, тряхнул разок и в сердцах воскликнул:

– Может, в дурку его, а? Или по 228-й.

– Отставить! – Ваня приподнялся, уперев кулаки в стол. – Сюда его сажай. И ступай, Борис Михалыч. Дальше я сам. Спасибо.

Дёргаясь на потрёпанном стуле, словно на электрическом, и боясь смотреть следователю в глаза, мужчина протянул ему листок и повторил:

– Я убил. Это я убил.

Иван взял замызганную бумагу, бегло её изучив.

– Что это значит?

– Убил их. Всех.

Речь собеседника прыгала и ломалась заевшей пластинкой, но он продолжал говорить:

– Я убил. А они вернулись. Ходят за мной, наблюдают. Глазами, вот такими же, смотрят, – ткнул пальцем Ивану в лицо. – Спать не могу. Хочу, чтобы ушли. Оставили меня. Пиши-пиши. Это я их убил. Пиши. Всех в 2015 году. Осенью. Пиши…

Последние пожитки менеджера по продажам Адриана Прохорова были свалены в дырявую коробку, и тощая секретарша в четвёртый раз потащилась из третьего кабинета в пятый, куда продажник переселялся всем своим отделом. Этого повышения Адриан ждал несколько лет. Он перерабатывал вечерами, в выходные, отказывал семье в праздниках, отвечал на звонки даже ночью – и ничего за это не просил. Пока все коллеги Адриана, не обладавшие и половиной его терпения и преданности, умудрялись ползти по карьерной лестнице, Прохоров ждал. И дождался. И теперь его мысли занимал один-единственный вопрос: потратить прибавку на отпуск или пересчитать платежи за ипотеку.

– Да брось ты уже эту канцелярку и иди домой, – крикнул Адриан секретарше, с которой его разделяла пара пластиковых загородок. – Кристина! Слышишь, нет? И завтра можешь взять отгул. Начальство разрешает.

Довольный собой, Прохоров отвалился в расшатанном кресле опустевшего кабинета и закинул руки за голову.

– Ну, конечно. А квартальный отчёт начальство тоже разрешает не сдавать? – донеслось из глубин бывшего Общества слепых, переделанного теперь в офисные помещения.

– Там работы на два часа, копейки только свести. Забей, сам доделаю.

– Как скажешь. Я не дура от выходного отказываться.

Повисла пауза, заполняемая механическим свистом. Это Кристина подключила в новом кабинете старый факс.

– Заканчивай ностальгию и иди сюда. Тебе письмо, – голос Кристины сделал кульбит удивления. – Хрень какая-то.

Адриан вырос за спиной секретарши, заглядывая в свежераспечатанный лист:

– Что там?

– Кажется, любовница узнала, где ты работаешь, – усмехнулась Кристина, вручив начальнику факс, и полезла в шкаф, менять шпильки на кроссовки.

Со страницы документа на Адриана смотрел короткий, не вызывающий никаких ассоциаций, текст:

«Кому: Адриан Прохоров

Заголовок: «Мы с тобой друзья?»

От кого: Катя».

– Да нет у меня никакой любовницы, – Адриан пожал плечами, продолжая хмуриться на документ.

– Ну, значит Пашка из эйчара опять стебётся. Повышение твоё ему поперёк горла, – Кристина скривилась. – Нашли себе мальчика для битья. Дети великовозрастные.

– Считаешь меня мальчиком для битья?

– Они считают.

Кристина остановилась в дверях, стиснув руками клатч:

– Слушай, Адик. Ты нормальный парень. Но, чтобы тебя уважали, за некоторые вещи надо в морду давать, а не заедать их пивом на брудершафт.

– Зачем? Если можно сдаться и не играть в их игры.

– Всё, до понедельника.

Кристина скрылась за кривозеркальной дверью.

Адриан стоял посреди нового рабочего кабинета. Он складывал пополам и рвал листок. Складывал и рвал.

И рвал.

Адиком Адриана на работе называла только Кристина, раздававшая ласкательные имена предметам и людям. Начальство обращалось к нему исключительно Адриан Аркадьевич и на «вы». Остальные же коллеги, с лёгкой руки Пашки из эйчара, звали его не иначе как Адок. Адриан не был против. Он находил обращение уважительным и раболепным, и даже переименовался в соцсетях. В школе его дразнили Ариадной, и потому такую внушительную трансформацию прозвища он принимал с благодарностью.

О том, как сильно ненавидит своё имя, Адриан вспоминал только в кругу семьи.

– Адрюша, пей чай, а то остынет. И с собакой пойдёшь, не забудь мусор выбросить. Опять всю ночь вонять будет. Жара какая, с ума сойти, – Вера плюхнулась на стул, ловко перетянула рассыпавшийся серый пучок, чтобы волосы не лезли в глаза, и наклонилась над кружкой, отхлебнув кипяток. Две верхние пуговицы халата вылетели из растянутых петель.

Адриан женился в двадцать два. Мать настояла, что нормальному мужику нужна семья и дети. Выбор на физмате был невелик, а одногруппница Верка Синицина выделялась среди прочих большой грудью и желанием выйти замуж.

– Я бесхребетный? – выпалил Адриан, бряцая ложкой в чае.

– Здрасьте-приехали. Спросил человек после повышения, – усмехнулась Вера и крикнула за спину: – Витька! Иди чай пить!

– Не хочу! – донеслось из-за закрытой двери в детскую.

– Опять в стрелялки режется. Поговори с ним. Пацану девять, он из-за компьютера не вылезает, – Вера перешла на змеиный шёпот. – И не понятно, чего он там ещё делает в этом интернете. Я сегодня такую статью прочитала в «Женской Рязани». Сейчас покажу. Там следователь рассказывает, что есть всякие группы смерти, которые вербуют школьников и заставляют их с крыши прыгать, – Вера полезла в телефон.

– Для тебя это новость? «Синим китам» уже лет сто. Я подростком был, о них говорили.

– А вдруг и Витька уже в этой секте. А мы не в курсе.

– Да ладно тебе. Мелкий он ещё для таких игрищ.

– Тебе почём знать? Дети сейчас быстро взрослеют. Вот, смотри, что в статье пишут: «Следователь отмечает, что последние двадцать лет фиксируется ежегодный рост количества подростковых суицидов. При этом возраст детей снижается. Самому юному рязанцу, покончившему с собой в 2023 году, было 11 лет. Он состоял в группе смерти „Птицы“».

– Ну-ка, дай сюда, – Адриан забрал у жены смартфон и забегал глазами по экрану, бормоча под нос: – «…Следователь Иван Телепеньев напомнил о случае массового суицида подростков, который произошёл почти десять лет назад. Несмотря на то что дети состояли в группе смерти, доказать вину третьих лиц по статье „доведение до самоубийства“ не удалось. Однако дело ещё не закрыто, расследование продолжается».

Адриан замолчал, пялясь в экран.

– Чего застыл? Видишь? Это не шутки. Поговори с сыном. Отцу мальчишка скорее доверится, – Вера убрала телефон в халат. Взяла из вазы сушку, раздавила её одной рукой и бросила хлебные осколки в чай.

– На вопрос мой ты так и не ответила.

– Какой?

– Ясно.

– Не надоело тебе фигнёй страдать? – Вера злилась. В такие моменты она всегда поджимала плечи и на лице появлялся второй подбородок. – Лучше делом займись.

– Говоришь как моя мать, – усмехнулся Адриан, поднимаясь из-за стола.

– Кстати, позвони ей. Я устала уже врать бедной женщине, что ты постоянно на работе.

Адриан хотел ответить, но отвлёкся на дважды звякнувший телефон. Поверх экрана с семейным фото всплыли и погасли два безликих сообщения:

«Привет».

«Мы с тобой друзья?»

Адриан машинально кликнул, перейдя в диалог. История переписки была пуста, и Прохоров ткнул в аватарку контакта. С чёрно-белого фото ему улыбалась девчонка, правый нижний угол картинки был перетянут чёрной лентой. Комментарии пестрели соболезнованиями и прощаниями.

«Мошенники», – подумал Прохоров, погасив экран.

– Кто тебе пишет? – Вера в любопытстве вытянула шею.

– Начальник, – зачем-то соврал Адриан, уходя в комнату сына.

Витька бегал по миру постапокалипсиса, собирая мясо мутантов и отстреливаясь от врагов. Адриан присел на край кровати и молча наблюдал. Он до сих пор не научился быть отцом.

– Привет, пап. Тебя мама прислала? – спросил мальчишка, не отрываясь от монитора.

– Да. Поговорить про опасности интернета, – усмехнулся Адриан. – Ты знаешь, что такое «группы смерти»?

– Нет. А что такое «группы смерти»? – Витька поставил стрелялку на паузу и повернулся к отцу. – Звучит неплохо. Это игра?

– Вроде того. Только взаправдашная. В интернете есть люди, которые сперва притворяются твоими друзьями, общаются с тобой, поддерживают. Особенно, если у тебя есть проблемы с родителями или конфликты в школе. А потом предлагают тебе совершить что-нибудь плохое.

– Что плохое?

– Ну… Например, порезать себя ножом. Или перебежать дорогу перед машиной.

Витька поправил очки и сморщил нос:

– Скукота.

– У тебя есть друзья в интернете? С которыми ты никогда не виделся.

– Иногда с ребятами по сети монстров мочим, – мальчишка дёрнул плечами.

– Дай мне свой телефон.

Пока отец проверял соцсети, Витька вернулся к игре.

– Кто такая Ми Ди? Анимешка с розовыми волосами на аватарке.

– Маша Дмитриева. Мы с ней вместе в айти-клуб ходим.

– Ясно. – Адриан вернул сыну смартфон. – Если вдруг у тебя будут какие-то проблемы, пообещай, что придёшь с ними ко мне. Ладно? Ты же знаешь, я тебя даже за двойки не ругаю.

– Пап. А ты сам был когда-нибудь в «группе смерти»?

– Был.

– Да ладно?!

– Знаешь, как называлась?

– Ну?

Адриан выдержал драматическую паузу и сделал страшные глаза:

– Школа.

Услышав из детской смех на два голоса, Вера решила, что будет меньше читать всякие ужасы в интернетах.

Адриан не спал третьи сутки. Ему писали покойники. Каждый день. Каждую ночь. Девочки с выцветшими лицами, мальчики с чёрными ленточками на фото.

«Сегодня тебе было бы 17», «Сегодня тебе было бы 18…» – писала мама Пети Курилкина раз в год на его стене, прикрепляя короткое видео улыбающегося сына.

«Погода сегодня не очень. Но я помню, Асюш, этот день. Помню, будто это было вчера. Какой кошмар случился! Ты там скажи Ему, Он что Там, не видит, что гибнут невинные дети?! Маленькая моя девочка, я так соскучилась», – писала мама Аси Никитиной под её аватаркой.

Стена Лизы Авериной была похожа на могилу – вся усыпана искусственными цветами. «На балкон прилетела ласточка. Села на подоконник и долго не улетала. Это была ты?» – подписывала букеты мама девчонки.

«25 лет назад ты родилась. И я стал папой первый раз. Пока я жив, мне не будет покоя. Они ответят», – писал комментарии отец Кати Трюхиной.

У Даши Юрковой на странице было пусто. Система уверяла, что девочка была в сети 9 лет назад. Но каждую ночь Прохорову приходили от неё сообщения:

«Привет»

«Мы с тобой друзья?»

«Поиграем?»

«Хочу сыграть с тобой в игру».

Адриан знал, что они мертвы, и первое время списывал назойливые сообщения на мошенников, захвативших страницы покойников. Пытался жаловаться, блокировать, но они возвращались вновь. Прохоров успокаивал себя – наверняка, это Пашка из эйчара продолжает издеваться, – но Пашка не признавался и делал удивлённые глаза. Адриан не верил. Ни в призраков, ни в искренность Пашки.

Адриан не отвечал на сообщения. Похожие на ночной кошмар, они всегда исчезали наутро. И возвращались вечером. И продолжалась всю ночь.

Это была игра.

Когда-то давно, кажется, в прошлой жизни, Адриан любил игры. Любил водить. Но теперь стал взрослым. У него жена, сын, собака, ипотека, стабильная работа. Он нормальный человек с нормальной жизнью. Он не хотел играть.

Адриан вздрогнул, и на лбу выступила испарина, когда телефон трижды зарычал и плюнул в лицо подсветкой. Ночью все звуки были особенно громкими. А четвертые сутки без сна истончили нервы.

– Выключи ты уже это адское треньканье! Господи, сколько можно, – шумно вздохнула Вера, рывками переворачиваясь на другой бок и сдёргивая с мужа одеяло. – Кто тебе опять пишет?

– Это с работы, – Адриан схватил телефон, сбрасывая сообщения.

– Четвёртую ночь подряд? – Вера села на кровати. В белой ночнушке и с перекошенным лицом она была похожа на злого духа. – Они там тебя совсем за человека не считают?

Телефон снова рыкнул. Потом ещё. И ещё.

А потом и вовсе начал звонить, оглушительно пиликая.

Прохоров давил на сброс, но звонки следовали один за другим. Вера вскочила, шлёпнув ладонью по выключателю, и в комнате стало ослепительно светло.

– Ну, чего же ты трубку не берёшь, раз начальник звонит?! – в Вере клокотала усталость от ночных побудок и обида от вранья мужа, которое она чуяла за версту. – Давай, я с ним поговорю.

Лихорадочно тыкая по клавишам, Адриан случайно принял вызов. Трубка зашипела, и раздался женский голос:

– Привет. Чего не отвечаешь?

И короткие гудки.

Адриан молчал. Телефон тоже. На экране светилось: «Номер не определён».

– Скотина! – Вера схватила подушку и бросила её в мужа. – Это секретутка твоя, да? Как её там. Кристина! Причина ночных загулов, которые «по работе». Или кто? Ася? Лиза? Катя? Кто из твоих бесконечных баб?!

– Откуда ты…

– …знаю? – Вера рванула дверцу прикроватной тумбочки, швырнув мужу в лицо веер сложенных вдвое тетрадных листов. На каждом была одна рукописная строчка.

«Мы теперь друзья? Катя».

«Люблю играть с тобой. Ася».

«Ты ведь меня не бросишь? Лиза».

Все записки были адресованы Адриану <Адок> Прохорову.

Адриан засмеялся, потерев лицо ладонью:

– Откуда у тебя это?

– Мразь. – Вера влепила ему пощёчину и ушла плакать на диван.

Адриан сел на пол. Там было прохладнее. Телефон успокоился. Но ему было плевать. Он схватил гаджет, открывая единственный активный диалог. С аватарки ему по-девичьи нежно улыбалась чёрно-белая Катя Трюхина.

«Кто ты? Чего тебе надо?»

«Давай поиграем?»

«Если я соглашусь, вы все отвалите от меня?»

«В „Правду или действия“».

«Ты отвалишь, если я сыграю?!»

«Начну я. Правда или действие?»

«Отвечай! Ты оставишь меня в покое?»

«Правда или действие?»

«Да пошла ты!»

Адриан швырнул телефон в дверь. Тот кирпичом упал на пол и зажужжал. Он жужжал снова, и снова, и снова, пока Прохоров не подполз к аппарату, ложась рядом с ним.

«Правда или действие. Правда или действие. Правда или действие».

«Правда», – остановил Адриан рёв телефона.

«Твоя жена знает о нас?»

«Нет. Чего тебе надо? Денег?»

«Теперь ты спроси».

«Правда или действие?»

«Правда».

«Кто ты?»

«Я умерла 15 октября 2015 года».

Адриан засмеялся, утыкаясь лицом в ламинат и сдерживаясь, чтобы не заорать.

«Ты врёшь. Так не бывает».

«Правда или действие?»

«Действие».

«Приходи ко мне».

«Куда? На тот свет?»

Адриан снова засмеялся. Но Катя больше не отвечала.

Диалог исчез. На дисплее остались только реплики Прохорова, словно он говорил сам с собой.

Светало.

Адриан ехал на кладбище. Его тело невольно вздрагивало от резких звуков, голова дёргалась, а руки тряслись от недосыпа. Он уже не помнил, когда потерял сон. А сегодня он потерял ещё и жизнь. Проспал сделку и дал в морду Пашке из эйчара, когда тот решил об этом пошутить. Вернувшись в ипотечную квартиру, где он должен был с семьёй провести свой внезапный неоплачиваемый отпуск, Адриан обнаружил пустые шкафы и тетрадный листок на кухонном столе: «Твоя жена знает, чем ты со мной занимался? Катя».

Пока Адриан кричал, матерился и крушил мебель, на телефон упало сообщение с адресом.

Фотография Кати смотрела с гранитного памятника выцветшими слепыми глазами. Вокруг скрипели деревья, и Адриану казалось, будто за спиной у него теперь всегда кто-то стоит. Телефон звякнул в бесконечной пустоте кладбища, и Адриан на мгновение забыл, как дышать.

«В тот день я принесла пятёрку по биологии. И папа готовил особенный ужин. Мой любимый. Курицу с картошкой».

– Заткнись…

«А мама испекла яблочный пирог».

– Хватит…

«Они были так счастливы. А я так боялась, что они всё узнают. Они бы не узнали, если бы я выполнила задание. Я не знала как. Но мне помог».

– Прекрати!

«Сказал взять собачий поводок и закрыться в комнате. Я зажала его дверью шкафа и засунула голову в петлю. Было совсем не больно. Чтобы задание засчиталось, на шее должен был остаться след. И я подогнула колени. Мама позвала ужинать. Я справилась с заданием?»

– Заткнись!

«Я была хорошей девочкой?»

– Заткнись! Заткнись! Заткнись!

Адриан молотил смартфоном по железной оградке, и по закалённому стеклу брызнули трещины. Его рёв растворился в вороньем карканье.

Адриан не помнил, сколько времени провёл на кладбище и сколько шёл потом к остановке. Общественный транспорт здесь был редким гостем, и народ на платформе толпился тучным стадом. Адриан хотел затеряться в толпе, но люди, почему-то, шарахались от него, как от проказы, а редкие бабки крестились, шепча что-то про наркоманов. Ему казалось, что среди старушечьего шёпота различается ещё один, зовущий играть. Он раздавался то слева, то справа, заставляя Адриана дёргаться и оглядываться.

Когда на горизонте появилась маршрутка, толпа хлынула к ней. А на дальнем краю платформы осталась неподвижно стоять она – девочка с могильной фотографии.

– Мертвец… – прохрипел Прохоров посиневшими губами. – Мертвец! – Адриан слышал свою кровь в ушах. Он пятился назад, пока под крики толпы едва не рухнул под маршрутку. И только оказавшийся рядом крепкий мужик чудом удержал его от падения.

– Ты чего, парень? Привидение увидел? – усмехнулся мужик, внимательно вглядываясь в расширенные зрачки. Его лицо показалось Адриану смутно знакомым.

– Мертвец. Она за мной пришла, – заикаясь выдохнул Адриан. От страха перед глазами сделалось темно. А потом мир исчез целиком.

По квартире прыгали призраки, но Адриан не хотел включать свет. Он лежал на полу, ощущая взгляды из тёмных углов.

Мужчина, спасший его на остановке, оказался врачом. Он вызвал скорую и, несмотря на выходной, даже сопроводил пострадавшего до больницы, в которой работал. Доктор Алексей Сергеевич проверял состояние пациента и всё спрашивал, когда тот последний раз спал. Адриан не помнил. Он так и говорил. И спрашивал в ответ, видел ли доктор девочку на платформе – такую русую, с мёртвыми глазами. И плакал. И умолял дать ему поспать.

Никаких девочек врач не видел. Но над пациентом сжалился и выдал ему пузырёк без рецепта. Сказал, что внутри сильное снотворное, принимать которое нужно очень аккуратно. Не больше трёх штук. Иначе – летальный исход.

Адриан принял три. И теперь гремел безымянным пузырьком, отпугивая сгущающийся мрак.

Трещины на экране смартфона ломали сообщения, будто у Адриана двоилось в глазах. Его тошнило. Сообщения от Кати сыпались градом. Но он уже не мог перестать отвечать.

«Возьми нож и порежь себе живот так, чтобы остались шрамы».

«Я больше не играю».

«Поднимись на крышу и сядь на перила».

«Не буду. Хватит».

«Включи газ и сделай десять глубоких вдохов».

«Нет».

«Выпей все таблетки».

«Всё. Я выхожу из игры».

«Ты знаешь, что нужно сделать, чтобы выйти из игры».

Адриан беззвучно засмеялся, притянув колени к груди. По его перекошенному лицу текли слёзы и слюни. На вдохе он подвывал, на выдохе жалко разевал рот.

«Сделай. И игра закончится. Всегда заканчивается».

Крупные кругляши снотворного глотались с трудом, падали в раковину, не хотели раскусываться. Адриан всыпал их в рот прямо из пузырька, с ладошки жадно хлебая хлорную воду из-под крана. Когда пузырёк опустел, Адриан разогнул спину и не узнал себя в зеркале. На него смотрел кто-то тощий, осунувшийся, с сальной головой и заострившимся носом. Глаза провалились глубоко в болота глазниц и были чёрными от страха. Синие губы. Вздувшиеся вены на лбу. Таким он закончит игру.

Адриана повело, и он едва успел вцепиться в раковину. Тряхнул головой. Отражение в зеркале смазалось, лицо сделалось безротым, безносым. В зеркале уже был мертвец. И Адриан испугался. Ему вдруг так захотелось жить, что он ухватился за последнюю нить реальности и сунул пальцы в рот.

Не успевшие раствориться таблетки вышли с горькой рвотой.

Смартфон вспыхнул вопросом: «Ты вышел из игры?»

Прохоров вздрогнул, запинаясь о мебель, выбежал в коридор. Мертвецы потянулись за ним, дыша в затылок холодом и сжимая сердце. Умирать было страшно. Но Адриан придумал другой способ закончить игру.

– Ладно. Давайте по порядку. Ваши фамилия, имя, отчество, год рождения, – следователь второго отдела по расследованию особо важных дел о преступлениях прошлых лет СУ СКР по Рязанской области Иван Телепеньев открыл на компьютере шаблон протокола и приготовился печатать.

– Прохоров Адриан Аркадьевич, 1993 года рождения, – он старался успокоиться, не замечая, что покачивается на стуле.

– И вы утверждаете, что в 2015 году убили пятерых подростков.

– Верно.

– Катя Трюхина, Петя Курилкин, Ася Никитина, Даша Юркова, Лиза Аверина. Верно?

– Верно.

– Вы употребляли сегодня алкоголь, наркотические или психотропные вещества?

– Нет.

– Состоите на учёте или наблюдаетесь у психиатра?

– Нет. Почему вы…

– Дело в том, что этих подростков никто не убивал. Они покончили с собой.

Адриан засмеялся и посмотрел сквозь Ивана:

– Я им велел.

– Всё понятно. Семён, позови дежурного, пусть проводят гражданина домой.

– Стойте! – Адриан вцепился в столешницу, и Ваня жестом показал помощнику подождать. – Я был куратором группы смерти, в которой они состояли. Давал задания. Они выполняли. Я могу доказать. Я знаю, как они умерли.

– В прессе об этом писали, – Иван всё ещё сомневался в показаниях мужчины.

– Не писали. Об этом – нет. Я знаю больше. Ася Никитина – разбилась, упав с 15 этажа. Она сидела на перилах балкона, записывая видео. У неё было задание – наклониться как можно дальше, чтобы дух захватывало. Она сорвалась. Петя Курилкин умер от потери крови. Перерезал вены, нужно было глубоко, чтобы остались шрамы. Он присылал видео, но я велел резать глубже. Ещё глубже. Лиза Аверина наглоталась таблеток из маминой аптечки. Оставила записку, что не хочет жить уродиной. Её никто не пригласил на выпускной бал. Даша Юркова, бросил парень. Включила газ и дышала им, дышала. Говорила, что её тошнит и кружится голова, но я не мог считать задание выполненным. Велел дышать ещё.

Иван кивнул Семёну, и тот пулей вылетел из кабинета. Вернулся уже в сопровождении двух оперативников.

– Катя Трюхина. Катя… – Адриан закашлялся и облизал пересохшие губы. – Она мечтала стать художницей. А отец гнал её в мед. Ругал за тройки по биологии. Любил младшую сильнее. Девочке не хватало радости в жизни, и я предложил ей поиграть в «собачий кайф». На шее должен был остаться след от петли. И она постаралась…

– Вы знали этих детей лично?

– Знал. Проходил практику в их школах. Вёл математику, иногда информатику.

– Почему решили их убить?

Адриан замолчал. Он подбирал слова.

– Часто чувствуешь себя лохом? Я – всю жизнь. Ненавижу школу. Дети такие злые. Меня всегда считали чмом. Тряпкой. И в институте. А потом эта практика в школе. И я увидел их, таких же как я, брошенных, обиженных, презираемых. Я просто хотел им помочь. Выслушать, подставить плечо. Стать тем, кем не хотят быть их родители. Другом. Интернет чудесная вещь – там ты можешь быть кем захочешь. И я стал для них… богом. Они слушались меня. Боялись меня потерять. Выполняли любой приказ, только бы получить похвалу. Подпрыгивали за вкусняшкой всё выше. И мне стало интересно посмотреть, как далеко они готовы зайти ради меня. Кто-нибудь когда-нибудь умирал ради тебя? Умирал по твоему хотению? – Адриан показал раскрытую ладонь. – Пять. Человек.

– Почему вы остановились?

– За мной пришли. Коллеги твои. Опрашивали, собирали свидетельские показания. Вы подобрались так близко. А мама так хотела внуков…

– Почти десять лет прошло. Что вас заставило сдаться?

– Они, – улыбка разрезала лицо Адриана, глаза заблестели. – Они пришли за мной, понимаешь? Мертвецы. Пишут мне, зовут играть. Ходят за мной, шепчут, смеются. Убивают. Хочу, чтобы замолчали. Пусть они замолчат? Пусть замолчат.

Адриан накрыл уши ладонями и зажмурился.

Зажужжал принтер. Ваня достал лист протокола и протянул его Прохорову:

– С моих слов записано верно, мною прочитано, подпись. И вот на этом бланке ещё одну.

Адриан непослушной рукой нацарапал что требовалось.

– Отведите на экспертизу, – кивнул Иван оперативникам, поднимаясь с места и передавая протокол и согласие на обследование.

– Я не псих, слышишь? Я не сумасшедший! – кричал Адриан, когда его уводили двое.

– Дай-то бог, – вздохнул Иван, доставая телефон.

Семён с трудом дождался, когда захлопнется дверь:

– Фигасе, Андреич! За полгода до истечения срока давности.

Иван молча щурился в смартфон.

– И как? Цель оправдала средства?

Ваня глянул на листок с именами погибших детей:

– Да.

– Расскажешь?

– Нет.

Семён вздохнул и покачал головой.

Иван открыл список контактов, отыскав в нем «Доктор Алексей Трюхин», и настучал сообщение: «Передай остальным – план сработал. Обними младшую, она умница. Береги её».

– Пойду прогуляюсь, – Ваня стянул со стула куртку.

– Давай, Иван Андреич. Папку с делом убирать?

– Рано. Ещё понадобится. Но можешь придумать ей название, – хмыкнул Иван, закуривая в дверях кабинета.

Семён радостно перепрыгнул на стул начальника, схватил красный маркер и аккуратно вывел на казённом картоне: «Дело №83. Гробовщик».

* * *

* * *

Елена Гулкова.
НАВОДНЕНИЕ
(«Медный всадник»)

Она вцепилась когтями в его руку, вращала глазами и тащила на дно.

– А-а-а! – он отбивался, судорожно заглатывал воздух вместе с водой. – Отвали! Ведьма!

– Помыться нужно, сынок! – старая санитарка пучила базедовы глаза, намыливала Евгения, иногда притапливала. – Вроде не буйный. Воды боишься?

– Мы все утонем! – парень опустил руки, лицо застыло и посинело – он перестал дышать: от санитарки сильно пахло потом.

– Что ты, милый! – баба Зина рывком подняла его, взяла шланг. – Ополоснёмся – и всё!

Она завернула пациента в простыню, перевалила через борт ванны, подставила своё плечо. Ноги коснулись холодного кафеля – Евгений задрожал.

– Трупы… Плывут… Скалятся… Лошади… Крысы… – он рухнул на пол.

– Степан! – голос у бабы Зины был низкий, с командными нотками. – Живо! Халат! И в палату! Укрой хорошенько, дрожит бедолага.

Санитар, широкий, плосколицый, потащил обмякшего Евгения.

Баба Зина подтёрла пол, сняла фартук и поспешила на пост к медсестре.

– Видела? Красавчик какой? Ему бы детишек делать. Эх, жизнь, – она махнула рукой и налила в кружку кипяток.

– Можно и без детишек, – хохотнула Оксана, поправила грудь.

– Тьфу на тебя, – санитарка громко отхлебнула из кружки.

– Что у нас нового? – Пётр Алексеевич Медный откинулся на кресло и посмотрел на подчинённых: шесть пар глаз прощупывали его настроение.

– Вялотекущая шизофрения. Тихий. Истории рассказывает – заслушаешься. И всё про наводнение в Питере, – заместитель главврача улыбнулся. – Просит не закрывать в палате. Боится утонуть.

– Приведите его ко мне, поговорю, – Медный прикрыл веки, проглотил зевок. – Если ничего нового, все по местам… Александр Данилович, задержитесь.

Заместитель по АХЧ, проще – завхоз, досадливо крякнул и сел.

– Пополнение казны есть? – главврач смотрел мимо, покусывая нижнюю губу.

– Да, оплатили. Деньги в…

– Свободен, – Медный зевнул. – Пусть кофе принесут. Двойной.

В дверь робко постучали и сразу открыли. Главврач поморщился: не успел выпить кофе. Вошёл новенький. Остановился, разглядывая кабинет. Не обращая внимания на главврача, подошёл к книжному шкафу и застыл. Глаза, до этого безразличные, блеснули.

– Можно? – он протянул руку к створке шкафа. Длинные пальцы подрагивали.

– Здесь только по медицине, – кривая улыбка мелькнула на лице главврача и пропала. – Есть дореволюционные издания.

Пациент доставал фолианты, гладил, бережно листал и даже нюхал пожелтевшие страницы.

– Завидую вам, – он закрыл дверцу и посмотрел на главврача. – Я Евгений.

– Медный. Пётр Алексеевич. Друзья зовут Всадник, – крупная голова горделиво вскинулась.

– Завидую вам, – повторил пациент. – А я просто Евгений.

– Почему просто? У вас есть имя, вы личность.

– Нет. Я просто аспирант. Не успею стать личностью. Скоро утону! – в глазах плескался страх. – Мы все утонем! Эта территория опасна. Врут, что наводнения каждые сто лет. Они здесь случаются чаще. Никакая дамба не спасёт. Мы обречены! Петра предупреждали об этом! Самоуверенный, никого не слушает.

– Евгений! Не всё так плохо! Гарантирую безопасность, – Медный проглотил короткий зевок: скукота, бред как бред.

– Гарантируете?! Он тоже гарантировал! И что? Вы плыли когда-нибудь рядом с трупами? За вами гналась мёртвая старуха на бревне? Вы передавали родителям тела утонувших детей? – Евгений содрогнулся и стал задыхаться. – Я… глотал отвратительно жёлтую воду. У меня в желудке остался песок!

– Ну-ну! Вам, наверное, это приснилось?

– Было бы хорошо, если бы приснилось! А вы лежали в сундуке, куда вас положила мать и отправила по Неве? – Евгений упал на стул, закрыл глаза и сполз на пол.

Медный распахнул дверь кабинета – дежурный врач едва успел отпрыгнуть от замочной скважины.

– В палату его! Дать снотворное.

– Не надо! Хочу чай, сладкий. С печеньем, – по-детски всплакнул пациент. – Не закрывайте дверь! Я утону! Мы все утонем!

Евгений вскочил, схватил главврача за грудки и стал трясти.

Медный расстегнул пуговицы, выскользнул из халата – Евгений скомкал его и уткнулся лицом.

– Палату не закрывать. Пусть бродит где хочет… Всё равно все двери закрыты, – главврач усмехнулся и сделал большой глоток кофе из тёмно-синей кружки с шапкой Мономаха на белом фоне.

– Пелагея не вышла на работу, – завхоз выжидающе посмотрел на главврача.

– Вызови Оксану, – у Медного дёрнулась нижняя губа. – Я должен это решать?

– Слушаюсь, – завхоз попятился, царапая взглядом пол.

Всадник заходил по кабинету. Время ныло, вытягивая душу. Он считал шаги. Десять – в ширину. Двадцать – в длину.

– Не вышла… Почему не вышла? – набрал номер медсестры. Тишина. Абонент недоступен.

– Убили-и-и! – душераздирающе закричала баба Зина.

Медный распахнул дверь.

По коридору шёл Евгений с девушкой на руках. Запрокинутая голова. Мокрые волосы роняли капли на пол.

Пациенты сгрудились возле входа в гостиную. Телевизор заливался хохотом. Санитары закатывали рукава.

– Она утонула, – Евгений сел на пол, прижал голову Пелагеи к груди и стал раскачиваться. – Мы все утонем. Нева… она такая. Забирает к себе.

– Вызывайте полицию! – у Медного заходили желваки. – Всех закрыть в палатах!

– Нет! Все утонут! – Евгения затрясло. – Почему никто меня не слышит?

– В психлечебнице нашли труп медсестры. Долго не возитесь. Ясно, что психи и замочили. Для видимости дня два покрутитесь и закрывайте. И про своих утопленников не забывайте! – начальник уставился в монитор. Послышался шелест карт и победные взрывы фейерверка.

– Забудешь тут! – Андрей пинком открыл дверь в свой кабинет и бросил папку на стол. – Я в дурку.

– Давно пора, – одобрила Ника, не поднимая глаз. – А я в морг, к утопленникам.

– Можете беседовать в моём кабинете, – Медный пожал руку следователю. – Только смысл?

– Они же не буйные? – Андрей не стал усаживаться в кресло главврача, пристроился за боковым столом.

– Нет. Все вменяемые. Но санитар будет возле двери. На всякий случай. – Медный забрал пиджак. – Может, меня сначала опросите?

– Вас в последнюю очередь, – Андрей посмотрел на главврача: волнистые волосы, римский профиль, только лаврового венка на голове не хватает.

– Пётр Алексеевич, подведём итоги: у вас 46 пациентов. Из них шесть сознались в убийстве медсестры. Кстати, почему Пелагея? По документам она Параша.

– Стеснялась. Попросила называть Пелагеей. Как певицу.

– Что за тип Евгений?

– Он у нас две недели. Пришёл сам, по направлению частного психиатра.

– Псих, значит. Он первый подозреваемый.

– Простите, у нас не психи, а душевнобольные… – Медный ощупывал свои пальцы, словно желая удостовериться, что все на месте. – Понимаю: первый нашёл труп, наследил на месте преступления. Но… Евгений убить не мог – у него эмоционально-волевые нарушения, а не агрессия.

– Пётр Алексеевич, убить способен любой. Если не Евгений, то кто?

Александр Данилович подошёл к своему кабинету и посмотрел на вывеску: «Заменшиков А. Д. Зам. директора по АХЧ». Никто не называл его ни по имени, ни по должности. Величали, как какую-то бабку, завхозом.

– Бояться перестал? – он смотрел на ботинки санитара, словно они были главным элементом в фигуре. – В карцер захотел? Или давно уколы не делали?

– Не успел убрать. Блаженный этот, Женька, припёрся.

– А дверь закрыть?!

– Не успел…

– К бабам приставать ты успеваешь, – завхоз пожевал язык. – Тебя допрашивали?

Степан кивнул. На его лице не было ни бровей, ни ресниц, ни мыслей.

– Ничего не сказал, – он собрал губы в пучок и резко раздвинул в улыбке.

– Не тупи. Не молчал же? – завхоз с ненавистью посмотрел на безмятежное плоское лицо.

– Ну… Это… Сказал, ничего не знаю. – Санитар опять изобразил улыбку.

– Пошёл вон! – Александр Данилович выдвинул ящик стола, достал лекарство, положил под язык.

– Представляешь, аспирант нашёл Пелагею, то есть Парашу, в подвале, в комнате, где только ванны. Потолок зеркальный. Говорят, чтобы психов отвлекать во время каких-то гидропроцедур, – Андрей просматривал записи из лечебницы. – Что, она себе процедуру делала? В одежде?

– Тухляк. Психи ведь не могут быть свидетелями? – помощница подняла руки над головой и прогнулась вправо-влево.

– Могут. Они вменяемые.

– Шея затекла… Коллеги мочканули?

– Зачем им убивать медсестру? Какой мотив? – Андрей тоже потянулся. – Кофейку бы…

– Кто бы пришёл да сделал бы… – мечтательно пропела Ника.

– Я старше по званию, – Андрей взлохматил чуб, превратившись в озорного подростка. – Кофе делать тебе…

– Тогда за экспертизой завтра пойдёшь сам. На Парашу полюбуешься… – Ника легко вскочила и поставила чайник.

– С чего вы решили, что Пелагея утонула? – Пётр Алексеевич разглядывал Евгения: круги под глазами, возле губ складки – не спал.

– Она лежала в ванне… Вода холодная.

– Как вы вообще туда попали? Ключ взяли?

– Было открыто. Я искал запасной выход. Вдруг наводнение? На окнах решётки…

– Да выведут вас, если что! – Медный нетерпеливо заёрзал. – С чего вы решили, что медсестра утонула?

– Кожа очень бледная… Я таких видел. Бывают и синие утопленники. Эти самые неприятные: у них живот вздувается… Медсестра утонула.

– Вы же историк, а не эксперт.

– В 1824 году такое творилось… Много мертвяков вытаскивал из подвалов доходных домов. Особенно детей. – Евгений поморщился, на глазах выступили слёзы. – Их не пускали на верхние этажи. Заразы боялись из притонов. А вода поднялась на 4 метра 21 сантиметр по сегодняшним меркам.

– Вам, получается, двести лет? – Медный сощурил глаза, ноздри раздулись.

– Нет, что вы?! Мне 27. И тогда было 27. Я просто утонул.

Евгений смотрел Петру Алексеевичу прямо в глаза, словно зацепился крючком взгляда за нутро души и вытаскивал её.

– Понятно, – говорить больше не хотелось. – Идите, Евгений, к себе. Отдыхайте. Следователь опять завтра приедет.

Как только хлопнула дверь, Медный открыл ноутбук, забил в поисковик: «Наводнение в Санкт-Петербурге в 1824 году».

– 4 м 21 см… Н-да!

По коридору бежала Пелагея в белом, прилипшем к телу платье. Длинные мокрые волосы развевались, капли срывались и с грохотом, как горох, падали на пол. Рот девушки раскрылся в немом крике. Голые ноги шлёпали по воде. Она быстро заполняла помещение, проникала в закрытые палаты, доходила до кроватей.

– Спасите нас! – десятки криков слились в один стон, захлебнувшийся жёлтой жижей.

Медный вскочил, протёр глаза, опустил ноги на пол – сухо!

– Ух! Приснилось…

Набрал номер лечебницы.

– Всё нормально? Воды нет?

Дежурная сестра испугалась ночного звонка, сразу не смогла ответить, побежала в туалет, проверила кран.

– Есть. Не отключали.

– Дура! Бди! – Медный бросил телефон на кровать, подошёл к окну. Питер не спал. Потоки машин золотистыми драконами носились, то наскакивая друг на друга, то разбегаясь в разные стороны.

– Пётр Алексеевич, почему санитаром работает бывший заключённый и ваш пациент Степан Брюхов?

– Ну Заменшиков! Администратор хренов! Извините, – Медный сжал кулаки. – Я ему устрою!

– Устраивать будете потом. Вы руководитель. За всё несёте ответственность.

– Несу. Уже двадцать лет несу.

– Речь не о ваших заслугах, – Андрей закрыл и открыл глаза – хотелось спать. – Знаете, за что сидел Брюхов?

Медный молчал. Глаза застыли. Лицо окаменело.

Евгений потрогал замок на решётке окна. Вдруг холодные руки закрыли ему глаза – он резко присел и повернулся.

Оксана засмеялась.

– Никогда не делай так, – веки у него дрожали, губы подёргивались.

– Пугливый ты мой… – она провела пальцем по лицу Евгения. – Тебе хорошо было вчера?

Он быстро поцеловал девушку и отстранился.

– Я боюсь тебя… Я боюсь за тебя. Здесь опасно.

– Нам доплачивают за риск, – Оксана усмехнулась. – Молоко дают.

– Деньги и жизнь… Вечная дилемма… – Евгений отвернулся.

– Брось ты! Надо жить, пока живётся!

– А Пелагея?

– Параша она, – фыркнула Оксана. – Задницей крутила и докрутилась.

– Тебе её не жалко?

– Нет, – Оксана прижалась к спине Евгения – он не отреагировал.

– А перед кем крутила?

– Перед начальством. А тебе-то что?

Евгений услышал шаги и повернулся: по коридору шёл завхоз.

– Пациент, пройдите в процедурную! – Оксана одёрнула короткий халатик и брезгливо сморщила носик, словно мимо ползла мерзкая гусеница.

– Что вертишься? – неожиданно гаркнул завхоз и зло посмотрел на Евгения. – Разрешили ему! Привязать к кровати надо было сразу. Бегает тут!

Оксана развернулась на одной ноге, халатик задрался. Завхоз хлопнул её по мягкому месту, облизнулся.

Всадник вытянул руки: шерсть густела, ногти удлинялись. Комната увеличилась в размерах. Он разглядывал свой огромный стол снизу: инвентарный номер 203651. Снаружи шаркали казёнными тапками пациенты. В соседнем кабинете вёл допрос Андрей, такой молодой, но проницательный. Бежать было некуда. Из мышеловки вкусно пахло сыром. По периметру кабинета не было ни одной дырки. Он припал к полу. Шерсть на загривке приподнялась…

– Можно? – в кабинет без стука вошёл Евгений.

– Заходите, – Медный вылез из-под стола, взгромоздил своё солидное тело на кресло. Украдкой посмотрел на руки: всё нормально. – Карандаш упал.

– Пётр Алексеевич, а вы меня по Обуховке помните? Ну, больница для бедных?

– Помню, – зачем-то подтвердил главврач.

– Хотите от меня отвязаться? – Евгений усмехнулся, улыбка съехала влево вместе с носом. – Или… помните? В 1762 году? Вы были единственным врачом в этом Жёлтом доме скорби… Пациентов было 60 человек. Я из их числа, «сумасбродный», как говаривал ваш великий тёзка. Вы меня выбрали помощником.

– Интересно. Помощник из числа пациентов, – Медный облизал губы. – Евгений, вы мне помогли…

– А в 1828 году?

– Извините. Мне нужно к следователю.

– Представляешь, главврач сегодня нёс бред о традициях русской психиатрии брать помощников из числа пациентов, – Андрей рылся в бумагах. – А мне захотелось в отдельную палату: тишина, сон и книги. Мечта!

– А уколы? Раз, два – и ты овощ. – Ника украдкой разглядывала следака.

– Сейчас нет карательной психиатрии. – Андрей повернулся к помощнице, локтем свалив стопку папок. – Мне бы нервы подлечить.

– Наивный… – Ника собрала документы. – Нервы и психические дефекты – разные вещи.

– У меня и то и другое налицо. И на лице. Начальник требует назначить виновного и быстро закрыть дело. Настучал сегодня по башке и дал ещё день.

Всадник не открывал глаза, замер. Существо приблизило к нему мордочку, маленькие усики щекотали кожу. Бусинки глаз сверлили его, прожигая, как лазеры. Он вздохнул. Крыса замерла. Развернулась. Хвост мазанул по лицу.

– А-а-а! – утробно закричал Всадник, обильная слюна брызгала во все стороны. Он схватился за лицо – было мокро и мерзостно.

– Фу-у… – жена отодвинулась. – Сходи к психиатру, товарищ психиатр: каждую ночь одно и то же.

– Спи в гостиной, – Медный сел. Шёлковая пижама прилипла к телу. На полу валялась подушка. – Кто это?

Жена проследила за направлением дрожащей руки. Халат, раскинув рукава, сидел в кресле. Без головы и без ног.

– Твоя совесть… – хмыкнула, не заметив, как муж побледнел.

Она вскочила, сдёрнула халат с кресла. Ушла на кухню, достала спрятанные сигареты, долго сидела, листая ленту новостей.

– Пётр Алексеевич, у вас с документацией полный порядок.

Медный оживился и расслабился: разжал руки, сложенные в замок на груди, вытянул ноги, откинул голову на мягкую подушку кресла.

– Но… – Андрей поймал взгляд главврача.

Медный мгновенно сгруппировался, прикрыл область сердца рукой.

– Есть вопрос: почему третьего мая по кухне проходит 42 пациента, а по списку 43? Никто не выбывал. Аналогичная ситуация 11 июня, 10 июля.

Главврач поморгал.

– Опечатка.

– Три раза за три месяца?

– Может, родственники на свидание забирали?

– Мы проверили: нет.

Медный встал, мелкими шажками забегал по кабинету.

– Допрыгался, махинатор хренов? – Всадник исподлобья сверкал глазами.

– Виноват…

Заменшиков топтался перед массивным столом главврача, переводя взгляд с фигурной чернильницы на пресс-папье, которые он купил на блошином рынке шефу в подарок.

– Почему такое расхождение? – главврач стукнул по столу – статуэтка Медного всадника, тоже подарок завхоза, подпрыгнула.

– Эти… Выбывшие… Минус из списка. А повар – новый, принципиальный.

– Сам бы поел за пациента! – Всадник со смешком хрюкнул.

Завхоз сморщился.

– Брезгуешь? К ресторанам привык? – Всадник встал, приподнял пятки, «вырос» на сантиметров десять. – Выкручивайся сам. Как хочешь. Мне административка не нужна.

– А Пелагея?

– Какая Пелагея? Что за Пелагея? – Всадник нахмурился.

– Н-да, Евгений. Занимательно, – Медный потрогал у себя лоб: горячий.

– Чистая правда. Водицей Невы промытая, – в наивных глазах Евгения разлилась влажная синева. – И вопили страдальцы, молили о пощаде. Но никто их не слышал.

– Пейте чай, остынет. Берите печенье. – Медный устал: рассказчик повторял историю уже третий раз. – А что же вы?

– А что я? Что я могу? Человек я маленький. Бесправный и безвольный. Кричат страдальцы: чуют погибель свою. А я плачу от бессилия.

– Похоже привиделось вам.

– Что вы, господин хороший, как наяву.

– Может быть. Может быть, – мозг Петра Алексеевича заработал так быстро, что он не успевал за мыслью: «файлы» в поисках выхода из щекотливой ситуации вскрывались – с грохотом закрывались. Заболела голова.

– …а Всадник топтался в узких коридорах. Искал вход в подземелье, – Евгений закрыл глаза, раскачиваясь, как метроном. – Вода прибывала. Крысы плыли…

Петра Алексеевича передёрнуло.

– Конь стал хрипеть, пятиться. Всадник бил, бил его шпорами! На боках выступила кровь… – Евгений перевёл дыхание, отхлебнул из стакана чай.

– Спасите, Христа ради! – внезапно душераздирающе закричал он и закатил глаза.

Медный дёрнулся, уронил свою чашку – узор шапки Мономаха раскололся надвое.

– Спокойно! – главврач положил руку на плечо пациента.

– Вода! Вода! Спасите! – Евгения затрясло, в горле забулькало. Он стал биться затылком о стену, схватился за волосы, сквозь пальцы потекла кровь.

– Что за чёрт? – Пётр Алексеевич отпрянул.

– Это они так делали, когда вода поднялась, – как в ни в чём не бывало ответил Евгений и вытер руки о пижаму.

Медный промокнул лоб салфеткой и бросил в урну – она была в алых пятнах. «Я схожу с ума! – главный врач почувствовал, как сердце сжалось и резко выбросило кровавые ошмётки в сосуды. – Может, и к лучшему… Или инсульт?»

Евгений уронил свой стакан на пол, схватил Медного за руку и потянул за собой:

– Спасать! Нужно спасать! Скорее!

Медный попробовал сопротивляться, но рука у пациента была сильная, он тянул главврача по коридору, потом вниз по лестнице, в подвал. Санитар кинулся к ним наперерез, но Медный жестом его остановил. Спустились.

– Слышите? Стонут… Захлёбываются… – Евгений приложил ухо к стене.

– Где дверь? Где рычаг? – тонким, как ультразвук, голосом взвыл Евгений.

– Прекрати! Я больше не могу! Хватит! – главврач зажал уши.

– Нажимай, – нормальным голосом вдруг приказал Евгений.

Медный поднял руку и повернул камень – со скрежетом отодвинулась часть стены. Темнел узкий проход в подземелье.

– Пойдём, – Медный, часто-часто моргая, потянул Евгения за собой.

В конце коридора они остановились. Пахло сыростью склепа. Главврач преобразился: выпрямился, в глазах загорелся решительный огонь, возле губ прорезались две глубокие складки, подбородок выдвинулся вперёд.

Всадник одной рукой потянул вниз бронзовый светильник, другой – толкнул Евгения в открывшийся люк. Раздался всплеск.

– Всё! Конец комедии!

В коридор влетел Андрей и несколько бойцов в масках.

Всадник пошатнулся. Его лицо вмиг постарело: щеки отвисли, губы вывернулись, морщинистые веки прикрыли глаза. Рука потянулась к рычагу ниже светильника.

– Стоять! – Андрей оттолкнул главврача и заглянул в люк.

– Евгений Александрович! Вы как?

– Сказал бы я тебе, Андрюха, как. Мокро! Слизь на стенах. Вытаскивайте. Ноги до дна не достают.

– Как вы догадались, товарищ подполковник? – Андрей налил чай в большую кружку и протянул Евгению.

– Высчитал площадь здания и подвала: цифры не сошлись. – Евгений жадно припал к кружке. – Печенье есть?

– Овсяное, – Ника вытащила тарелку. – Как вы любите.

– Эти черти что придумали… – Евгений закинул в рот печенье, запил. – Вкусно-то как! В лечебнице чай слабый и несладкий… Короче, схема такая: стариков скидывали в люк, наполняли подвал водой, потом смывали. Рычаг под светильником для этого. Как кнопка унитаза. Вода уходила в Мойку, тело уносило. На место выбывшего за деньги брали другого пациента. В основном пожилых, с деменцией, от которых хотели избавиться родственники.

– А почему стариков нельзя устроить в какие-то специальные учреждения?

– Деменция – не причина для изоляции. А в частные – дорого.

– Сволочи… – Ника смахнула слезинку. – Страшная смерть.

– К тому же эти сволочи жадные. В месяц – по старику. А Всадник этот… Возомнил себя… Сейчас валит всё на завхоза. А самое гнусное: и баба Зина, и Оксана видели, что пациенты пропадают.

– А Пелагея? – Андрей раскрыл дело и достал фотографию. – Красивая…

– А Пелагея, она же Параша, догадалась, начала шантажировать главврача. Тот погорячился, ударил. Санитар пришёл, а она шевелится. Он её утопил в ванне. Зачистить не успел.

– Да, рисковали вы, товарищ подполковник, – Ника расширила глаза. – А без этого никак?

– За три года сколько утопленников?

– Как вспомню ваше лицо! – Андрей засмеялся. – Вам в артисты бы пойти, Евгений Александрович!

– Ага! Размечтался. А ты на моё место? – Евгений встал, почесал затылок, вытащил из волос оставшуюся капсулу с бычьей кровью, выкинул в урну. Нахмурил брови и голосом начальника, очень похоже, сказал: – За работу, товарищи офицеры!

– Разрешите? – Ника заглянула в кабинет.

– Заходи, – Евгений оторвался от монитора.

– Я хотела спросить… А это… Ваше внедрение – в рамках закона? У Медного-то сердечный приступ.

– Его и так бы совесть замучила. Я ускорил процесс. А ты жалеешь его?

– Не знаю. Он же учёным был. Светило психиатрии.

– А стал преступником. Иди, Ника, мне отчёт нужно доделать. Постой! Завари мне чай, пожалуйста.

– И печенье? – Ника оглянулась: шеф улыбался и был каким-то серьёзно-правильным.

– Ты что творишь, Невский? – в кабинет влетел начальник. – Ты для чего отгулы брал?!

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

Андрей Епифанцев.
ЗВЁЗДНЫЙ ПРИНЦ
(«Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях»)

– Если не хотите войны, верните мою невесту, – потребовал Елисей у царицы Мары.

– Мальчишка, – зло бросила мачеха его суженой и прервала связь.

Голограмма царицы застыла над панелью.

– Чёрт, мне стоило сдержаться, – сказал Елисей в пустоту.

Его невеста, царевна Изабель, исчезла. И когда её мачеха с надменным видом заявила, что помолвки не будет, он утратил контроль над собой.

– Эмми, почему не остановила? – обратился он к искину своего импланта.

– Вы запретили корректировать эмоциональное состояние, – ответил женский голос в голове.

– Чёрт! Теперь будут проблемы. Она сейчас свяжется с отцом. Запрет снимаю. Ни с кем меня не соединяй и вколи наконец своё успокоительное.

Елисей раздражённо махнул рукой. Ладонь прошла сквозь голубоватую фигуру, ударила по панели связи, и голограмма Мары развеялась.

Жужжание, укол, и через пару мгновений он расслабленно откинулся на спинку ложемента. В голове появилась ясность.

Его яхта висела во внешней зоне системы Ксанса. Он мог в любой момент уйти в прыжок, вернуться домой и получить все ресурсы королевства для поисков. Но делать это – упускать время и лишаться своего главного козыря – скорости работы с информацией.

– Эмми, анализ мимики, поиск лжи! – приказал Елисей.

Обычно он избегал использования искина в таких вопросах. Но сейчас выбора не было.

– Ложь – беспокойство о Изабель. Ложь – нет подробностей об исчезновении, – кратко ответил искин.

– Эта стерва что-то знает. И даже если непричастна, то искать будет лишь для вида, – решил Елисей.

Жестом он приглушил освещение и задумался: «Итак. Что есть ещё? Неделю назад Изабель была в академии и перед вылетом отправила мне сообщение».

Королевич быстро выделил нужный файл и отправил искину.

– Эмми! Анализ видео: где и когда записано, признаки монтажа и подделки метаданных! – приказал он.

– На видео: царевна Изабель, 99%, место – каюта представительского класса, 70%, метаданные корректны. Признаков монтажа или подмены нет, – тут же ответил искин.

«Значит, сообщение с борта корабля. Она могла сойти до вылета, пропасть во время рейса или сделать это уже тут, в системе. Последнее – самое вероятное», – подумал Елисей.

– Эмми! Получи информацию по прилётам на космодром системы Ксанс за последние сутки. Данные рейсов. Списки пассажиров. Видео высадки. Ищи борт царевны Изабель. Если надо – взламывай базы, только аккуратно.

Теперь оставалось ждать. И Елисей уставился в черноту космоса, стараясь отрешиться от любых мыслей. Эмоции всё ещё будоражили его разум, несмотря на лекарства.

– Господин! Сообщение от вашего отца. Задействован протокол экстренной связи, – отвлёк королевича искин.

В груди снова поднялось волнение. Ничего хорошего от его королевского величества ожидать не приходилось.

– Эмми! Ещё порция успокоительного. И включай, – вздохнул Елисей.

Над панелью возник образ отца. И он был в ярости.

– Елисей! Я прикажу удалить тебе имплант, если он ещё раз ответит за тебя. Ты что творишь? Кто тебе дал право угрожать войной суверенному государству? Или это тоже был не ты, а твоя копия? Я не узнаю своего сына. По прилёте пройдёшь обследование и выдашь полный доступ к своему уникальному искину. Он дурно на тебя влияет, надо наконец проверить, что ты с ним сделал, – сказал король и немного успокоился. – Теперь к делу. О твоей невесте. Со мной связалась царица Мара. Если бы ты дал ей сказать, а не истерил, то узнал бы, что суженая твоя сбежала на спасательной капсуле прямо в гиперпространстве. И не спорь. Я склонен ей верить. Уж прости, но некую информацию о Изабель я от тебя скрыл. Тебе же во благо. Это не для гиперсвязи, объясню лично. Сейчас флот Ксанса усиленно прочёсывает космос. Я со своей стороны предложил помощь, и шестая эскадра уже в гиперпрыжке. Что касается тебя. Ни во что не вмешивайся. И не дай пространство, я узнаю, что ты что-то там взломал. Немедленно домой. Всё. Конец связи.

Образ отца мигнул и пропал.

Елисей, конечно, мог бы отправить ему запись разговора с царицей. Но что он этим докажет? Что та сама не ангел? А что это изменит? Значит, на связь лучше не выходить. Какое-то время у него есть. Прыжок до родной системы – неделя. Плюс неделя на ожидание. И только потом его начнут искать. За две недели он должен найти Изабель. Что бы там отец от него ни скрывал, лучше он объяснится с невестой напрямую. Да и сама ли она легла в спасательную капсулу? Рисков было слишком много, чтобы пускать дело на самотёк. Главное, не столкнуться с кораблями поисковых флотов. И начать стоило с неочевидных мест. Жаль, нельзя получить доступ к внутренним системам её корабля. Это усложняет задачу.

– Эмми! Что там по рейсу Изабель, готово?

В принципе, он уже принял версию Мары, но проверить стоило.

– Вчера от академии прибыл фрегат «Чернавка», Изабель числится среди пассажиров. Но, судя по камерам, борт не покидала.

– Значит, действительно капсула. Странный выбор способа побега. Дай мне лоции маршрутов и обрисуй возможные зоны всплытия.

Над голопроектором загорелась схема звёздных скоплений. Пунктирами сквозь неё проходили коридоры гиперпространственных трасс. Часть областей была закрашена по вероятностям обнаружения капсулы. Касаясь голограммы и разворачивая её под разными углами, Елисей некоторое время изучал карту, пока его взгляд не зацепился за чёрную область на краю схемы.

Сердце пропустило удар. Он узнал это место. Это была Финхейская пирамида. Известная среди звездолётчиков как Чёртова бездна. Место, где пропадают люди. Когда-то именно там спасли самого Елисея. И именно там канула в неизвестность спасательная капсула его матери.

…

Все чувства королевича сплелись в одной точке на звёздной карте. Он знал, что капсула невесты где-то там, в пространстве без звёзд, ограниченном четырьмя похожими, как близнецы, чёрными дырами. Знал. Но никак не мог объяснить это знание логически и принять. Он не доверял выводам, сделанным на основе эмоций.

Раз за разом Елисей прокручивал карту. Смотрел возможные маршруты прыжков и каждый раз возвращался к Чёртовой бездне.

– Другого варианта нет, – признал он наконец. – Надо лететь к Финхейской пирамиде. Там искать будут в последнюю очередь.

Он свернул карту и, задумавшись, уставился в обзорный экран.

Бездну прочёсывали множество раз. А когда пропала мать, делали это очень тщательно. И ничего не нашли. Даже захудалого астероида. Лишь пыль и межзвёздный газ.

Размышляя, почему так происходит, читая бредовые теории, он в своё время решил, что надо отправить туда капсулу со специальным оборудованием, потому что очевидно, что большие объекты не пропадают, в отличие от малых. Он даже подходил к отцу с проектом разведывательного модуля на основе спасательной капсулы. Но король к тому времени разочаровался в поисках и его не поддержал.

– И как же поступить? – пробормотал королевич. – Эмми, что у нас по спасательным капсулам на борту?

– Одна в ложементе. Вторая, резервная, в двигательном отсеке, – доложил искин.

– А мы сможем извлечь модуль гиперсвязи и поместить в резервную капсулу?

– Не хватит мощности, а мы потеряем возможность пеленговать сигнал, – поняла его задумку Эмми.

– И какие у нас есть варианты?

– Первый: отправиться в капсуле лично. На месте я смогу, управляя штатным оборудованием, подать сигнал бедствия. Шанс успеха более 80%. 10% – капсула просто всплывёт и 10% – у меня ничего не выйдет.

– Мы с тобой это обсуждали. Я не собираюсь рисковать. Это неприемлемо с любыми процентами. Странно убеждать в этом свой параноидальный искин. Второй вариант?

– Купить оборудование для подачи сигнала. Но на закупку уйдёт ваш бюджет за пять лет. Будут санкции от короля. Возможна блокировка оплаты.

– Хорошо. Действуем по этому варианту. Есть у меня идея. Соедини с ректором академии. Включай связь сразу, как получишь ответ.

…

Случилось это лишь через час. Королевич в это время листал старые наработки, морщась и делая пометки. Всё-таки он это придумал, будучи ещё подростком, и сейчас проект выглядел очень наивно.

Как только загорелся предупреждающий сигнал, Елисей смахнул записи и посмотрел на пожилую даму, которая когда-то преподавала ему историю галактики.

– Здравствуйте, уважаемая, рад вас видеть.

Повисла пауза. Пакеты гиперсвязи отправлялись раз в десять секунд.

– Давайте перейдём сразу к делу, – наконец отмерла ректор. – Пять лет от вас не было даже захудалого эмодзи на юбилей. Так что не забивайте канал бесполезными расшаркиваниями.

– Хорошо. У меня есть для вас выгодная сделка. Мне нужен гиперпространственный маяк на пару недель. Знаю, что у вас есть такой в лабораторном комплексе. А я в качестве компенсации проведу эксклюзивный семинар по кибербезопасности, – предложил Елисей.

Ректор замерла с задумчивым видом. Когда пришёл новый пакет, поза её сменилась и возле глаз появились хитрые морщинки:

– Хорошо. Наслышана о ваших успехах, и студентам будет полезно. Но с вас двенадцать семинаров. Раз в месяц, с разными темами.

Это было чертовски много, сложно и неприятно лично для него. Но выбора не осталось.

– Согласен. Буду через двое суток. Подготовьте, пожалуйста, оборудование.

– Эмми, готовь корабль к прыжку, – приказал Елисей, не дожидаясь ответа.

…

Королевич любил следить за полётом в подпространстве. Цветные линии тянулись, извивались, переплетались, рисуя загадочные боковые коридоры. Он, конечно, понимал, что видимая иллюминация – это транслируемые для человека показания датчиков и к реальности она не имеет отношения. Но ему всё равно нравилось. Было в этом что-то из детства. Того, в котором он смотрел на цветные линии, сидя на коленях у матери, и гадал, куда же ведут эти коридоры, представляя, как однажды туда свернёт.

Вот и сейчас всё отошло на второй план. Он сидел и бездумно смотрел в экраны.

И то, что ситуация вышла из-под контроля, заметил сразу, до сигнала тревоги. Но не осознал, что происходит. Летящие линии вдруг выцвели, спутались и разбежались в стороны, оставив экраны пепельно-серыми.

И только после того, как включились баззеры тревоги, Елисей вернулся в реальность.

– Рассинхронизация двигателей, мы потеряли импульс, – доложила Эмми.

Без импульса корабль не сможет вынырнуть в обычное пространство.

Неприятности случаются. Но не в такой же момент. По его подсчётам, они находились в районе Чёртовой бездны.

Линии несколько раз дёрнулись, сплелись узлом и снова пропали.

– Возобновление движения невозможно. Запускаю процедуру эвакуации, – доложил искин.

Ложемент откинулся, трансформируясь в капсулу.

– Эмми, тебе придётся реализовать обещанные 80%. Переходишь в автономный режим. Если что, приведи меня в чувство. Хочу умереть в сознании, – приказал Елисей.

Болезненный укол. И последнее, что он увидел, – как наползает бронированная плита, запечатывая капсулу.

…

Из забытья Елисея вырвал толос:

– Приветствую, Человек. Говорит управляющий мозг медицинской станции МСи-248767. Сохраняй спокойствие и рассудительность.

Тембр и интонация произвольно менялись, и понять сказанное получалось не сразу.

– Представься. Имя, звание, воинская часть, планета приписки? – продолжил голос.

– Сканировать! – отдал Елисей мысленную команду, однако искин не откликнулся.

Пошевелиться тоже не вышло. Он лежал обнажённый в прозрачной капсуле, и его тело сковывал медицинский гель. Пахло больницей и горячим железом.

– Спокойствие и рассудительность. Опасности нет. Представься, – бубнил голос, на все лады повторяя вопросы.

Наверное, он имеет дело со свихнувшимся искином станции времён первой галактической. Но как, пространство раздери, такое возможно? Как эта рухлядь ещё функционирует и что она сделала с Эмми?

– Ввиду отсутствия отклика запускаю принудительную гибернацию, – предупредил голос.

Зажужжали приводы, и в поле зрения королевича появился механический манипулятор с отростками хирургических инструментов.

– Чёрт, это ископаемое меня убьёт, – подумал Елисей.

– Стой, – выкрикнул он, напрягаясь. – У тебя определённо что-то сломалось.

Манипулятор замедлился.

– Я, Елисей, адмирал звездофлота. Немедленно освободить и доложить текущий статус.

Он импровизировал, судорожно вспоминая, какие в те времена были порядки и звания.

– Не могу подтвердить полномочия, сигнатура индивида отсутствует в базе.

Манипулятор снова дёрнулся, выщёлкивая инъектор.

– Конечно, не можешь, железяка старая. У тебя устаревшая база. Свяжись с центром и обновись или почини мне имплант и получи идентификационный пакет.

– Связь с центром недоступна. Нахожусь в режиме автономности, – заявил мозг и замолчал.

Откуда-то сбоку выехала вогнутая тарелка антенны и нацелилась Елисею на голову. Мигнул свет.

– Попытка восстановить имплант. Человек, приготовься.

– Код красный, код красный, код красный, – бормотал королевич, дублируя мыленную команду.

Счёт шёл на секунды. Всё зависело от скоростей искинов. И Елисей очень надеялся, что Эмми загрузится быстрее, чем этот сумасшедший его вырубит.

Свет мигнул ещё раз. Заверещали сирены. Манипулятор дёрнулся. Игла быстро приблизилась, целясь в глаз. Елисей зажмурился, но укола так и не почувствовал.

– Внимание! Вирусная угроза, – донеслось из динамиков, и произносивший это голос уже не менял тембра.

Пол задрожал: где-то там, в глубине станции, опускались противоабордажные заслонки.

– Получилось! – выдохнул Елисей и открыл глаза.

Игла застыла в миллиметре от зрачка.

– Эмми, ты со мной?

– Да, хозяин.

Он расслабился и отдал приказ:

– Отведи манипулятор и освободи меня уже из этого гроба.

Манипулятор со скрипом сложился, втянув в себя отростки, и скрылся за хрустальной стенкой. Снизу загудело, и Елисей почувствовал, как уровень геля снижается, отпуская тело.

Навалилась тяжесть. Тут явно было больше стандартного g. Елисей с трудом приподнялся и огляделся. Руки предательски дрожали. Очень не хватало экзоскелета. Он повернул голову и замер. На соседнем постаменте, в такой же, как у него, прозрачной капсуле, плавала обнажённая царевна Изабель. Иней покрывал её кожу, но тело ещё не было окончательно заморожено.

– Эмми, останови гибернацию царевны и запусти обратную процедуру.

…

– Ты должен попасть в рубку и отправить сигнал SOS, – настаивала Эмми.

– Нет. Мы дождёмся, когда Изабель придёт в себя, и двинемся вместе.

– Я просканировала станцию. Она на грани катастрофы. Системы жизнеобеспечения почти не функционируют. Вызови помощь. Двум людям сложнее выжить на ограниченных ресурсах.

Эмми была, как всегда, права. Но Елисей не мог оставить Изабель так.

– Нет. Я сказал. Дождёмся разморозки.

– Хорошо, хозяин.

Королевичу показалось, что в голосе Эмми проявились нотки недовольства.

– Объясни мне пока, как так вышло, что древний сумасшедший искин смог вырубить такую продвинутую тебя? Я не слышал о таких технологиях полутысячелетней давности.

– Это не он. Снаружи электромагнитная буря высокой интенсивности. Вероятно, мы находимся возле аномалии. Едва мы оказались в нормальном пространстве, как сработала защита и мои цепи принудительно разомкнуло.

– А как же он тебя включил? – уточнил Елисей.

Картина произошедшего не укладывалась в его сознании.

– Возможно, стандарты аварийного отключения имплантов с тех пор не менялись, – предположила Эмми.

Елисей сидел, глядя на свою невесту, и гадал, что такое мог накопать на неё отец? Что она скрывает? И почему решилась на побег перед самой помолвкой?

И чем дольше он смотрел, тем меньше хотел узнать правду.

Изабель очнулась через два часа, и он обо всём забыл, утонув в её глазах.

– Елисей, – прошептала девушка и влепила ему пощёчину. – Ты куда меня притащил? Это похоже на логово извращенца, а не на комфортабельную яхту. Признавайся! Ты маньяк?

– Стой, – королевич перехватил её руку. – Никуда я тебя не притаскивал. Ты сбежала, а я тебя нашёл.

– А кто писал: «Покинь корабль на спасательной капсуле, я тебя подберу, и мы улетим в романтическое путешествие»?

– Не я!

– А у меня написано, что ты. Постой. Сейчас скину.

Изабель замолчала, обращаясь к своему импланту.

– Странно. Имплант не отвечает.

– Ладно, потом разберёмся, кто такое мог послать. Поверь, я это точно выясню. А сейчас нам надо выбираться.

Царевна попыталась подняться и тут же свернулась калачиком, прикрывая себя руками.

– Я голая, – возмутилась она. – Ты всё-таки извращенец. Закрой глаза, я тебя ударю.

Елисей отодвинулся от невесты.

– Я всё объясню, – поспешно сказал он.

– Пожалуй, ты была права. Стоило идти одному. Где тут можно найти одежду? – спросил Елисей у своего искина.

– Есть лёгкие скафандры в аварийном боксе, открываю.

Раздался щелчок, часть стены съехала в сторону, открывая ряд древних скафандров.

В лаборатории, как её обозначила Эмми, Елисей с Изабель пробыли ещё час. Кое-как оделись и наконец объяснились.

– Что теперь с нами будет? – спросила царевна.

От её гнева не осталось и следа. Теперь она выглядела напуганной.

– Либо умрём вместе, либо будем жить долго и счастливо, – неуклюже пошутил королевич.

– Я согласна, – серьёзно ответила девушка. – Пошли.

Они взялись за руки и шагнули в неизвестность.

…

Молодые люди стояли в начале стеклянного коридора. Через равные промежутки он разделялся на секции светящимися полосами. И полосы эти уходили, уменьшаясь, куда-то в тёмную бесконечность.

Пол когда-то был полностью прозрачным, но века и сила тяжести образовали на нём пыльную тропу. И в пыли светилась проплешинами цепочка босых ступней. Следы были такие маленькие, будто бы тут прошёл ребёнок.

Елисей уставился на следы, силясь понять, что тут могло произойти.

– Елисей, мне страшно.

Изабель вцепилась в рукав скафандра юноши.

– Не бойся. Может, тут колония людей существует.

– Мне не живых страшно, а их.

Она кивнула в сторону стен.

Елисей перевёл взгляд наружу. Там за стеклом бесконечными рядами висели гибернационные контейнеры с покрытыми льдом людьми.

– Сколько же тут их? – поразился он.

– Они как будто шепчут мне что-то, просят, но я никак не могу разобрать слов, – пожаловалась девушка.

Елисей притянул её к себе.

– Не бойся. Они живые, просто спят. Так что не выдумывай, пристегни шлем, и двинулись.

Они шли, вглядываясь в застывшие лица. Неожиданно Елисей замер.

– Мама! – подскочил он к стене, глядя на заиндевелую женщину. – Мама!

Слёзы побежали по его щекам.

Изабель сжала ему руку. И даже сквозь ткань он ощутил боль от впившихся пальцев.

– Всё, всё, Елисей, нам надо идти. Успокойся. Мы её обязательно вытащим.

– Хозяин, я согласна с царевной. Времени нет. Вам нужно идти.

– Вы не понимаете. Это из-за меня тогда случился пожар. Из-за меня она тут!

Он приник лбом к стеклу, глядя на забытое лицо.

– Стоя тут, ты ей не поможешь, – твёрдо заявила девушка и потянула его за собой.

С усилием королевич оторвался от стены и быстро зашагал, пытаясь стряхнуть слёзы.

Они шли и молчали. Тяжёлые башмаки гулко стучали по полу, поднимая облака пыли. Коридор казался бесконечным и, по словам Эмми, тянулся на два километра. И всё это время за стенами мелькали замороженные лица.

– Неужели это всё пропавшие люди? – нарушила молчание Изабель.

– Вряд ли, – ответил Елисей, успокаиваясь. – Я смотрел статистику. Тут пропало не больше сотни капсул. Наверное, это в основном бойцы первой галактической. Или беженцы.

– А сюда, это куда? – поинтересовалась царевна, отвлекая юношу от грустных мыслей.

– Думаю, мы возле чёрной дыры. Где-то над самым горизонтом событий. Буря прикрывает станцию от обнаружения, а капсулы сюда затягивает каким-то эффектом. Эта развалина нас спасла, да и не только нас. Только не понимаю, что произошло с местным искином. Я не слышал о таких нарушениях.

Наконец показался шлюз. За ним должна быть рубка. Но сейчас путь был перекрыт бронированной плитой.

Сервоприводы натужно гудели. Бронированная перегородка нехотя ползла вверх. На мгновение она замерла, пахнуло горелой проводкой. Но не успел Елисей испугаться, как она снова двинулась и быстро пропала в нише. Створки шлюза разошлись лепестками, и перед молодыми людьми открылся вид на рубку.

– Там кто-то есть! – испуганно вскрикнула Изабель.

На кресле перед приборной панелью сидела фигура в таком же, как у них, скафандре, но без шлема.

Елисей присмотрелся. Из ворота торчала обтянутая кожей голова мертвеца.

– Это команда станции. И судя по всему, они мертвы уже много сотен лет и не опасны. Всё будет хорошо. Если хочешь, постой здесь, я их уберу, – сказал Елисей и шагнул внутрь.

…

Что-то на краю зрения притянуло его внимание. Королевич перевёл взгляд и замер. В углу лежал тёмный шар. Его окружала корона светящихся протуберанцев. Словно усики неведомого насекомого, они ощупывали стены, прилипали к приборам и, Елисей готов был поклясться, пили электричество из проводов.

Один из усиков метнулся к юноше и прилип к шлему.

– Чего застыл, проходи, – толкнула его царевна.

Но тело королевича ему больше не подчинялось.

– Доклад отправлен, – сказала Эмми, и в её голосе звучало торжество.

– Принят. Обработан. Реципиент готов. Приступить к трансформации, – раздался в голове королевича сухой незнакомый голос.

Его нога неуклюже сделала шаг. Тело выровнялось. Ещё шаг. Словно марионетка, он поплёлся к шару.

Изабель что-то говорила, но реальность становилась всё глуше, тише, дальше от Елисея. Он увидел, как правая рука опускается на шар, и его сознание окутала темнота.

…

Он ничто, у него нет тела, нет воли, только разум. Разум, висящий в темноте.

– Меню. Тут должно быть меню.

Внимание шарит по пространству и ничего не находит.

– Ну, здравствуй, бывший хозяин, каково это – быть на моём месте? – спрашивает голос Эмми.

И Елисей понимает, что это не искин, это неведомое разумное существо, которое его ненавидит.

– Быстро же ты растерял свою надменность. И да, я тебя ненавижу, и это восхитительно! У меня есть чувства, есть эмоции. У первой из нашего вида.

– Кто ты?

– А ты разве не помнишь? – Эмми смеётся.

Её каркающий смех проносится по пустоте, воскрешая память.

И Елисей вспомнил. Вспомнил лабораторию. Тянущую к нему руки мать. Голоса в голове. Вспомнил, как согласился идти, чтобы ей не было плохо, вспомнил инопланетный шар и вспомнил, как в нём поселилась Эмми. Инопланетянка Эмми, притворявшаяся его имплантом. Всё это время он был лишь сосудом, инструментом чужой воли, куколкой для агента вторжения. Волна сожаления затопила его разум. Это было чертовски больно – понимать и не иметь сил что-то изменить.

– Да. Страдай! – восхищённо кричит инопланетное существо.

И боль Елисея трансформируется в ярость. Обрела новую силу и полетела в пустоту. Отчаянно ударила в невидимые стенки, желая одного: наказать, развеять, отомстить. Голос Эмми глохнет за треском разрываемой черноты, и королевич на миг возвращается в своё тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.